

102РА

сентябрь

1.91

Фото Л. Березницкого.

*Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих как солнце сияющих нот
Составлена песня небесных высот.*

Н. Заболоцкий.

Югра
№ 1, сентябрь 1991.

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. Д. Иванов

(художественный редактор)

Л. В. Луцкай

Т. А. Молданова

Обложка художников

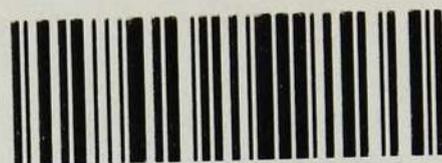
Е. Крутских и Н. Иванова

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул. Ми-
ра, 5. Телефон редакции
4-12-25.

Сдано в набор 02.09.91.
Подписано в печать 25.10.91.
Формат 60x84 1/16. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,74. Уч. изд. л.
4,48. Тираж 8000. Заказ
№ 2218. Цена 1 р. 70 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации Курганского
облсполкома. 641800
г. Шадринск, ул. Спартака 6.

Историко-культурный журнал.
Учредители — исполнительный
комитет Совета народных де-
путатов Ханты-Мансийского ав-
тономного округа и научно-
производственная ассоциация
«Аки-Отыр»

218152008

Государственная библиотека Югры

В номере:

К нашим читателям	2
В. Клепиков. Единомышленники	3
Анкета журнала	6
А. Хомяков. «Борюсь с беспамят- ством»	9
Т. Мкртычев. «Событие далеко не местного значения»	13
Б. Журавлев. Униженность.	15
Н. Федорова. Олень с реки детства	18
В. Красиля. Ждать или создавать?	22
В. Новиков. Пушнина и охотничий промысел	26
М. Заплатин. Осень на Тапсуе	34
Г. Тимофеев. Воин и исследователь Севера	35
П. И. Лопарев. Автобиография	37
В. Белобородов. Журналист-краевед Н. И. Ездаков	44
«Сибирские страницы»	45
В. Козлов. Стихотворения	48
А. Конькова. Мансийская сказка	53
В. Сподина. Как поставить чум	55
Н. Патрикеев. Огурцы на окне	58
Н. Канев. Рассказы	60
«Курс—на Архангельск»	

117640

СХП

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Журнал, первый номер которого сейчас перед Вами, родился на волне общесоюзного культурного подъема. Редакция хотела бы в тесном сотрудничестве с Вами внести свою лепту в эту так нужную сейчас обществу культурную работу.

Чтобы иметь бесспорное право называться гражданами Ханты-Мансийского автономного округа, мы должны тот культурный слой, что достался нам от предков, прежде всего освоить, познать во всей возможной полноте. Отсюда вытекает и первая задача журнала — просветительская. Каждому, кто захочет глубже познать край, где он живет, мы хотим помочь удовлетворить эту потребность, ибо плодотворна такая провинциальная культура, которая осознает самое себя, свою специфичность, связанность с географической средой.

Но мы с Вами, читатель, также обязаны доставшийся нам культурный слой возделывать и в меру наших возможностей обогатить, только это может быть залогом прогресса и гарантией от деградации. Поэтому второй важнейшей линией журнала, наряду с просветительской, является линия исследовательская, творческая. Провинциальная культура нас должна интересовать как процесс, как взаимоусвоение, взаимопритяжение и сосуществование на единой территории различных национальных культур — особенно во всем, что касается природопользования. Программа издания построена на основе понимания культуры как всей сферы человеческого творчества. Конкретное же представление о том, что входит в круг интересов журнала, вы можете составить по этому номеру.

Редакция будет стремиться к тому, чтобы журнал исполнил роль интегрирующую, сближающую не только в смысле концентрации на его страницах наиболее ценного из прошлого и настоящего культуры нашего края, но и в смысле сплочения, единения культурных сил для успешного осуществления своей миссии и противостояния псевдокультуре.

Издание первого в истории округа журнала — это постановка своеобразного опыта. Успешным он может стать только при Вашей поддержке словом и делом, живым откликом, критической мыслью.

Мы начинаем в нелегкое время. Свобода печати хотя и провозглашена, но реально мало обеспечена. Дефицитность и дороговизна бумаги, полиграфических мощностей, непомерная цена за распространение изданий сильно ограничивают наши возможности. Но мы верим, что если журнал окажется нужным читателю, он непременно выживет.

Редакция.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

ЗНАМЕНИЕМ нашего времени становится сплочение единомышленников не только в крупных городах, но и в провинции во всевозможные группы, кружки, клубы, в большинстве случаев пока малочисленные по составу. В отличие от казенного, насаждавшегося сверху и более провозглашаемого, чем действительного, это единомыслие подлинное. В таких «центрах кристаллизации» идет напряженная духовная жизнь — кипят споры, работает мысль. Здесь единомыслие не окостеневшее, оно естественным образом происходит из разномыслия и питается им. Став руководством к действию, оно приносит здоровые плоды.

В конце прошлого года одна из таких организаций зарегистрирована в Сургуте под названием Общество русской культуры. Территорией его зарождения стала детская музыкальная школа № 1 имени сургутского педагога Аркадия Степановича Знаменского. Программа родилась в результате многих дискуссий, в которых участвовали директор школы, заслуженный работник культуры РСФСР Е. В. Лоншакова, искусствовед, преподаватель педагогического училища К. К. Васьяковский, настоятель Свято-Никольского храма о. Виктор (В. Ф. Райш), заведующий фольклорным отделением музыкальной школы А. Н. Ложкин, учитель Д. С. Кивенко, главный архитектор города В. И. Унжаков, фотограф Г. Н. Корченкин, звукорежиссер В. Д. Макух. Эти люди и стали организаторами нового общества.

Вот что рассказывают они о благородных целях своей организации.

Е. В. Лоншакова:

— Цель наша — консолидация сил. Это естественный процесс, он прослеживается повсеместно в России и других республиках. Возникают сообщества людей, которые полны желания возродить национальную культуру. А возрождение должно начинаться от чистых истоков, и вот добраться до глубинных родни-

ков, дать человеку глоток, чтобы ему еще и еще раз захотелось припасть к этому истоку, мы можем, если только объединимся с тебе подобными.

Одна из главных задач нашего Общества русской культуры — поиск современных форм бытования культуры, основанных на народной традиции, собиране ценностей духовной и материальной культуры — народных обрядов, обычаев, ремесел, музыкальных, художественных и других видов народного творчества — и возвращение их в быт. И Общество не случайно срослось с нашей детской музыкальной школой; ведь, по сути, мы должны воспитывать прежде всего детей, создавать для этого благоприятные условия.

Но Общество, безусловно, не думает замыкаться в стенах музыкальной школы. В наших планах — создание школы русской культуры, в которой учились бы вместе с детьми и их родители, потому что не детский сад, не школа, а семья — главный центр воспитания. И чтобы выйти действительно на уровень личностного воспитания, нужно вовлечь в круг нашей деятельности родителей: приглашать их на лекции по русской истории, философии, культуре, на наши концерты, выставки, уроки шитья русской национальной одежды, приобщить их к участию в тех обрядовых праздниках, которые уже стали традиционными в нашей школе, так как у нас уже четвертый год работает фольклорный класс. Именно вместе — дети и взрослые — будут выходить с этими народными обрядами на улицы, к людям.

Я думаю, что мы на верном пути.

ДУХОВНАЯ и светская культура на протяжении длительного периода русской истории тесно переплетались. Священник о. Виктор убежден, что эта прерванная традиция должна иметь продолжение. Вот его размышления о судьбах русской культуры и целях Общества.

— Почему я стал одним из инициаторов создания Общества русской культуры, хотя по национальности — немец? Свою благую роль в моем духовном становлении сыграл Федор Михайлович Достоевский. Благодаря ему я стал человеком православным и не только принял крещение, но и стал священником. И я живу русской культурой, на ее почве нахожу всю полноту жизни.

Мы не преследуем никаких националистических целей, в наше Общество может войти человек любой национальности, лишь бы он не был чужд русской культуре. Допустим, я отношусь с большим почтением к татарской культуре, знаю обычаи, песни этого народа, знаю, что в нем есть и прекрасные люди, но есть и плохие. И в нашей семье не без уродов, некоторые приносят культуре не столько пользу, сколько вред.

Упадок культуры — это как раз и есть то болото, которое надо иссушать не грубо, а постепенно, то есть встать на путь нравственной борьбы, путем энтузиазма, его возрождения поставить на должный уровень российскую культуру. Мы живем в России и должны любить ее не только словами, а всем сердцем и всеми своими делами.

Я понимаю, что становление нашего Общества не пройдет безболезненно. Нужно время, чтобы вывести его на тот уровень, какой мы задумали. Но чувствуется, что необходимость в таком Обществе назрела, и оно будет иметь поддержку среди населения. Со временем мы, я думаю, будем приглашать сюда пред-

ставителей интеллигенции из центральных районов нашего Отечества — философов, экологов, людей такого радикального направления, то есть расширять связи. Ведь в принципе мы можем изыскать воспитующую, врачующую возможность только в общении с лучшими представителями нашего общества. Как сказано в писании, нельзя прятать под спудом свечу, а нужно ставить ее на самом высоком месте, чтобы она светила всему дому. Так и надо делать сейчас. Все прекрасное, все воспитующее, все дающее большие результаты в нашей культурной жизни надо ставить на самое высокое место, чтобы оно было достоянием всех, а не какой-то узкой элиты.

Если сегодня спросить сургутян, кто из них бывал, ну, скажем, в театре оперы и балета, немного найдется таких. Драматического театра в городе нет и неизвестно когда будет. Поэтому, чтобы ускорить этот процесс, надо всемерно действовать, какие-то люди должны уже все эти импульсы подавать сегодня. То есть должна назреть ситуация.

В человеке происходит борьба. И приведет она к тому, что человек победит свою немощь, свою некультурность, свою гнусность, свою скверну. А это и есть главная цель, которую нужно ставить во главу угла нашего Общества. То есть сделать русского человека русским. Говорить на русском языке — еще не значит быть русским. Нужно жить всей полнотой культуры, которая заложена в этом народе. А в нем заложен огромный потенциал, и он

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ

...если человек есть мера всех вещей, то культура — мера очеловеченности мира. Это, пожалуй, основной критерий прогресса, буквально выстраданный человечеством.

Е. Челышев, академик.

сегодня не раскрыт, а замурован. Поэтому таких людей, кто неленостно старается послужить в этом направлении, надо собирать, призывать их. Силы нужны большие. И я думаю, что цели, которые поставлены, будут оправданы и получат свое действие.

Конечно, я болею больше за духовное. Ну, а что касается моих коллег — у них свои задумки, свои на этот счет мысли. У нас нет монополии никакой, здесь свойственно каждому мыслить так, как он считает правильным. Но цель общая — украсить нашу русскую культуру. Она должна быть подлинно русской. Обычаи, ремесла, все прекрасное, что мы утратили, надо оживлять и ставить на вооружение собственному народу. Чтобы нравственная борьба была успешной, она должна идти во всеоружии культуры. Только так можно победить мир зла.

ЧЛЕНЫ Общества — люди, заряженные на действие, это подтвердилось с первых же дней. Они активно участвовали в подготовке и проведении рождественских праздников в городе. Восемь педагогов школы объединились в вокальный коллектив духовной музыки и с успехом выступают перед публикой не только в Сургуте, но и в районе. Были выезды в Тундрино, на станцию Ульт-Ягун и в другие населенные пункты.

Общество намерено широко пропагандировать народную музыку — не только русскую, но и, например, хантыйскую. Член правления В. Д. Макух выезжал в Русскинские, где сделал запись хантыйских песен. Вместе с ним ездил и один из преподавателей музы-

кальной школы, который, возможно, будет учиться сам, а потом и других учить игре на хантыйских народных инструментах. В кабинете замыкаются члены Общества, судя по всему, не будут, их ориентация — адресоваться к человеку, а не к массам.

Большие замыслы у фольклорного отделения детской музыкальной школы, работающего на сибирском материале. Уже сейчас этот исполнительский коллектив популярен в городе и часто выступает с концертами в детских садах и школах. А. Н. Ложкин считает, что это, хотя для детей и не просто, но нужно, ибо народное искусство — идеальное средство для воспитания духовности. Теперь стоит задача не столько расширять дело, сколько углублять, от знания немногого о многом переходить к познанию многого о немногом. Фольклорное отделение накопило уже опыт, имеющий российское значение, и появилась идея подготовить учебно-методическое пособие.

Общество русской культуры намерено всерьез и основательно заняться изучением отечественной истории и философии, многие страницы которой открылись нам только в последние годы. Сознывая свою недостаточную образованность в этой области, его организаторы намечают самообразовательную программу, на почве которой будет становиться затем просветительская работа (циклы лекций, встреч и так далее).

Приветствуя возникновение в Сургуте Общества русской культуры, мы желаем ему успехов и надеемся, что оно станет вдохновляющим примером для интеллигенции округа.

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ

Ничто не может заменить миссию интеллигентов — гласно ставить фундаментальные проблемы культуры, общества и, что гораздо важнее, этики.

Эдгар Морен, французский социолог.

КОРНИ НЕ ДОЛЖНЫ СОХНУТЬ

Когда готовился этот номер журнала, редакция распространила в округе анкету, состоящую из четырех вопросов. Вот они.

1. Ваша оценка состояния культуры округа. В чем причины именно такого состояния? 2. Каковы, на Ваш взгляд, цели культурного развития в специфических условиях (природных, экономических, демографических и т. д.) нашего округа? 3. Что можно сделать средствами культуры для укрепления гражданского мира, достижения целей перестройки? Какими способами? 4. В чем Вы видите призвание интеллигенции округа в современных условиях?

Публикуем ответы, пришедшие из города Урая.

Р. Дармороз, психолог.

1. Я считаю, что культура в самом общем, широком понимании этого слова — такой культуры у нас вообще нет. Есть у нас и народные промыслы, и народные умельцы, в отдельных семьях хранятся традиции, т. е. есть какие-то культурные россыпи. Культура в нашем округе представлена вот этими россыпями. Помню, в 1978 году у нас была выставка самодеятельных художников. Я была поражена тогда тем, что люди, далекие, казалось бы, по своим профессиям от художественного творчества, участвовали в этой выставке. Очень было интересно и поразительно для нас, что художественное творчество развито и есть в людях потребность в нем..

И тем не менее значительной культуры, имеющей влияние на общество, я здесь не знаю. Почему? По моему мнению, раньше все крутилось вокруг религии, она была нравственным стержнем общества. С религией были связаны все праздники, обряды. Культура народа развивалась под влиянием религии. А потом это все разрушили. Новые же люди, которые встали у истоков советской культуры, в своем большинстве, не были готовы этим заниматься, настолько они были непросвещенными, а порой невежественными.

Культура в упадке, в разоре, потому что в ней нет широкой потребности. Организаторы культуры на местах чаще всего не занимались основным: надо искать в народе культурные россыпи, пропагандировать их. Возрождать традиции, передавать их следующим поколениям, потому что культурные, нравственные корни не должны погибнуть вместе с тем поколением, которое еще что-то может оставить нам, что-то умеет и знает.

Многие считают главной бедой нашего края то, что мы здесь народ в основном пришлый. Думаю, что в этом есть как раз и свои преимущества. На

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ

Истинно культурный человек — это не только образованный человек. Культура — это не только образование. Это сложная сумма поведения, это сложная, сумма выработанных привычек, в основе которых положены эстетические и этические вкусы (нормы).

А тот, кто не руководит своими инстинктами, — его нельзя назвать культурным человеком.

М. Зощенко.

Север ехали люди смелые. Здесь много хороших людей, способных к творческому поиску, жаждущих красоты. И нет вины их в том, что система отторгает таких людей.

Абсурдность нашей жизни особенно проявилась в нашем нефтяном крае. Вот почему так много в северных городах и поселках художников, ставших бульдозеристами, бурильщиками, трактористами. Их талант, инициатива, тонкое восприятие мира остались не востребованными.

К сожалению, наша интеллигенция апатична, она все ждет какого-то толчка. Советская интеллигенция — это совершенно особая общность людей, отличная от русской интеллигенции. Я бы никогда не поставила знак равенства между ними. Интеллигенция прошлого и начала этого века была трудолюбивой, честной, способной прийти на помощь, со всяким поделиться, чем могла. Мы — интеллигенция по социальному статусу; в крови у нас дух разрушения, безразличия, равнодушия. Мы мало образованы, не воспитаны, нетерпимы, далеки от понимания истиной культуры. Горько, но это так.

И что мы еще можем, так это со всей серьезностью заняться воспитанием своих детей. Дать им образование, приобщить к мировым культурным ценностям, сохранить нравственный стержень. Все это сделать не просто в нашей нищей жизни, но чем сложнее задача, тем большее оправдание мы получим от следующих поколений.

А для этого надо самоуглубиться, заняться самосовершенствованием, прекратить тяжбы, взаимные упреки, словоблудие и посвятить ближайшие 10 лет детям. Тогда надежда на возвращение к лучшей жизни не умрет.

С. Смердов, рабочий, депутат Урайского горсовета.

1. Очень трудно сейчас говорить о культуре, потому что на протяжении десятилетий культура у нас была «служанкой» идеологии. Сейчас она ищет свое место в обществе. Каким путем пойдет дальше культура, как будет развиваться? Возможны колебания в ту и другую сторону. Мы сейчас находимся в растерянности, потому что старые ценности разгромили, а новые еще не создали.

Скажу о специфике северной городской культуры, как я ее понимаю. Города всегда возникали в силу исторической необходимости, чаще всего их строили на торговых путях, годами в них складывались свои традиции, медленно взращивалась самобытная культура. У нас города вспыхивали, как свечи, строились по заказу. Вот нефть нашли, нужны люди — появился город. Отсюда большая миграция населения. Нашему городу немногим более

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ

...когда больно от чужой боли — это и есть самый большой круг, круг культурного человека. Конечно, нельзя сделать так: я сегодня проснулся, захотел стать культурным и начал сочувствовать униженным и оскорбленным. Так не бывает и самые добрые намерения здесь не помогут. Надо вырабатывать душу.

Ю. Лотман, филолог и литературовед.

АНКЕТА

25 лет и своей культуры, своих традиций, он не имеет. Мне могут возразить: а культурное наследие коренных народов ханты и манси? Не знаю этого наследия. Манси в Урае всего 300 человек, они так растворены среди нас, приезжих, что трудно познать их культуру. Возможно, внутри семьи сохранились мансийские традиции, промыслы, фольклор, но мы лишены возможности все это наблюдать.

Перед нами стояла одна задача — взять нефть из этих мест, да и сейчас она стоит: нефть — любой ценой! А задачи культурные если и были, то очень невысокие: удовлетворить минимальные потребности людей средствами кино, дискотек, массовыми мероприятиями. Культура идет от души, от внутренних потребностей народа. Ее нельзя спланировать, произвести культурную ценность по заказу.

У нас же вся «культура» делается по заказу, для этого и существуют отделы культуры. Я же вижу задачу их иначе: не составлять планы, а больше оказывать поддержки творческим людям, чтобы была у них возможность развиваться дальше и привлекать на свою сторону единомышленников. Когда что-то навязывают, человек противится этому. Надо, чтобы культура развивалась по инициативе от души, от внутренней потребности человека, тогда это будет культура.

3. На этот вопрос я могу ответить так: не должна культура решать какие-то политические задачи, это опять получается идеология. Симбиоз культуры с политическими задачами рождает идеологию, и тогда о культуре говорить уже не приходится.

4. Правду, наверное, говорят, что интеллигентом можно стать лишь в третьем поколении. А мы — интеллигенция в первом колене. И наши ценности, идеалы значительно отличаются от идеалов, предположим, Чехова и Толстого. В юности нам вбили в голову, что нашим любимым героем является Павлик Корчагин, и он был для нас образцом. А что он мог? Он был призван для разрушения, а не для созидания. Не спрашивая нас, нам преподносили «любимых героев». На этих идеалах воспитывалась нынешняя интеллигенция.

Надо дать человеку свободу предпринимательства, чтоб у людей появился свой капитал, тогда он не будет трястись из-за копейки. Мы нищие. Государство у нас могучее, обладает большим военно-промышленным потенциалом, а все по отдельности мы нищие. Нельзя быть нищим и в то же время культурным человеком.

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ

Если мы не усвоим основных начал культуры — мы позорно потеряем нашу свободу.

Нашим лозунгом должен быть лозунг «Свобода и Культура».

А. М. Горький.

БОРЮСЬ

С

БЕСПАМЯТСТВОМ...

В КОНЦЕ прошлого года, как раз в дни празднования 60-летия образования Ханты-Мансийского автономного округа, в селе Половинка Кондинского района был открыт музей. Это стало большим событием. Собралось много гостей, люди словно вернулись в дни юности. Больше всех радовался, празднуя победу, создатель музея Анатолий Николаевич Хомяков. В тот декабрьский день сбылась его заветная мечта.

По нашей просьбе А. Н. Хомяков рассказывает об истории создания музея и об его экспозиции.

Я родился и вырос в Половинке. Мама — манси, отец — русский, но жил с детских лет в мансийской семье, хорошо знал язык.

Мне немало пришлось поехать по стране, бывал на Дальнем Востоке, Северном Сахалине и везде посещал музеи. При этом каждый раз невольно думал: почему же в наших селах их нет? Ведь дети растут, новые поколения поднимаются, а опыт

старших уходит, как вода в песок, словно и не нужен никому.

Возможность вплотную заняться музеем появилась с выходом на пенсию. Но вначале решил поставить достойный памятник своим землякам, погибшим в Великой Отечественной войне. Дело как раз совпало с подготовкой к 45-летию со дня Победы. Сбор материала растянулся на полтора года. Сам же занялся и сбором средств. Ходил по дворам, брал под роспись тройки, пятерки, рубли. И памятник в итоге поставил — с вечным огнем, с высеченными в камне фамилиями погибших. Есть теперь в Половинке место, где внук может положить цветы в память о погибшем деде.

В конце 1989 года экспонаты для музея уже были собраны. На окружном семинаре работников музея в Ханты-Мансийске допытывался у руководителей разных рангов: с чего начать организатору деревенского музея, где найти средства? Вопросы оказались не из легких, мне ничего не пообещали. Отказали в

финансовой поддержке и в сельском Совете, оправдываясь бедностью.

И тогда я решил: раз денег нет, буду делать музей на свою пенсию. Как раз в это время продал корову, осталась пустой просторная стайка — отремонтирую ее и оформлю там свою экспозицию. Но чем больше обдумывал, тем яснее понимал, что не дело это. Музей нужен не мне, а всей Половинке.

Исполком сельского Совета выделил в конце концов на создание музея 2000 рублей, на которые было куплено списанное здание конторы местного рыбоучастка. Принялся за ремонт дома.

Пилил, строгал, вырезал деревянные узоры. Провел паровое отопление. Опирался на помощь средней школы, из заинтересованных людей подобрал совет музея.

В нашем музее воссоздан уголок местной природы, рассказывается о промыслах манси.

Среди экспонатов первого зала — лодка, жернова, которыми мололи зерно. Здесь же показан интерьер мансийской избы: шкафчик с вырезанными из бумаги салфетками, кровать, покрытая лоскутным одеялом, утварь. Такими были избы местных манси в довоенные годы нашего столетия.

Во втором зале представлена религия манси. После покорения Сибири Ермаком кондинским манси старались навязать православную веру. Около двух веков сопротивлялись кондинцы,

были и вооруженные отпоры экспедициям, засылаемым из Тобольска. А потом случай был такой. У местного богача Сатыги тяжело заболел сын, умирал мальчик. В это время проходила экспедиция из Тобольска, в составе которой, помимо священников, были и врачи, и учителя. Так вот они предложили: «Мы вашего мальчика вылечим, а вы всей деревней примите православную веру». И правда вылечили. А в середине века в Сатыге была построена церковь, первая в кондинских деревнях. Потом церковь поднялась в Леушах, позднее в Нахрачах (Кондинске). Вот так манси, оставаясь верными своим богам, обратились в русскую веру.

Здесь экспонатов немного. Самые для меня дорогие — коллекция старинных монет, украшения, мансийские шайтанчики. Это все подлинные вещи, найдены в деревне Учинья.

Хочется представить хоть небольшую коллекцию одежды наших предков. Не стилизованной, а подлинной. Пусть бы посмотрели все, какой она была удобной и красивой. Удалось найти няры — обутки мансийские, сшитые из кожи, с соломенной стелькой. Легонькие, надеваются с шерстяным носком или чулком. Сейчас их уже давно не носят. Надеюсь достать бусь — женскую меховую одежду. Писал в березовский музей, но коллеги не хотят делиться. Понимаю, сами все добывают с трудом.

Летом решил построить музей

под открытым небом. Уже срублена промысловая юрта, около нее — охотничьи ловушки разных типов. Подбираются другие

экспонаты: средства передвижения манси, рыболовные снасти. Все это нужно будет покрыть навесом. Работы много.

СОБЫТИЕ

ДАЛЕКО

НЕ МЕСТНОГО

ЗНАЧЕНИЯ

МУЗЕЙ произвел на меня очень большое впечатление — тем тактом и тем природным умением, которое позволяет человеку сделать экспозицию не только профессионально грамотно, но и так, чтобы она отражала суть народной психологии. Анатолию Николаевичу не нужно было ничего придумывать, он здесь вырос, прожил целую жизнь и в этой своей работе материализует народную память. Ему не нужна профессиональная помощь, не нужны большие капиталовложения, большой штат сотрудников, а вмешательство со стороны только погубит человечность и естественность этого музея. Ему нужно только внимание — теплое, человеческое, не формальное.

Здесь я встречался с членами ассоциации «Спасение Югры». Они подошли к идеям, которые пора уже реализовать.

Речь идет о возрождении народных промыслов, которые заняли бы и молодежь, а впоследствии могли бы стать коммерческой основой для развития индустрии туризма. При этом очень важно, чтобы здесь не было стилизации, чтобы это все шло от настоящих образцов. Еще сохранились народные мастерицы, мастера, которые все это помнят и делают для себя. Нужно к ним подключить молодежь, и это должно делаться осторожно, тактично. Я уверен, что в недалеком будущем люди вернутся к рукоделию. Умение что-то делать своими руками значительно облегчит их жизнь.

Есть еще, на мой взгляд, перспективное направление — работа с мальчиками 10—14 лет. Речь идет о воспитании охотников. Совсем не обязательно каждого из них сделать охотником-профессионалом. Но есть смысл повторить опыт распространенных на Западе бойскаут-

сих организаций. Каждый мальчик 10—14 лет в душе «индеец», каждый это знает по своим детям, которые с удовольствием занимаются изготовлением различных ловушек, рыбной ловлей. И организация досуга в общении с природой, в обращении к культуре местных национальностей заложила бы в их душе морально-этические рамки, то чувство, которое уже в зрелом возрасте от многих ошибок их бы уберегло. И половинкинский музей наводит на эту мысль, когда Анатолий Николаевич рассказывает об изготовлении ловушек. Для мальчишки это изготовление натуральных вещей, эта возможность поймать рыбу с помощью собственноручно изготовленной ловушки многое значит. Если бы нашлись люди, способные и готовые этим заниматься, это могло бы стать долгосрочной программой, которая помогла бы формировать мужское население соседнего с Половинкой города Урая.

Об экспонатах музея. Как человек, занимающийся этнографией профессионально, могу сказать, что это экстракласные вещи, которые могли бы украсить любой этнографический музей. Это все натуральное, никаких подделок. Эти вещи живые, в них чувствуется человеческое участие.

Особая тема для разговора — находка на территории района древнейших стоянок ханты и манси. Они фиксируются по вы-

ходам фрагментов керамики. Половинкинский музей (возможно, в сотрудничестве с урайским) мог бы заняться составлением карты выходов керамики, хотя бы первичной фиксацией этих стоянок.

Музей Хомякова наводит и на мысль об организации туристского маршрута. В окрестностях села есть целый ряд ландшафтных мест, которые можно включить в маршрут. Важно, чтобы эти места оказались под охраной местных властей, чтобы они проконтролировали вырубку леса, чтобы не была испорчена та первозданная красота земли, которая пока в этих местах еще сохраняется. Эта красота может потом обернуться богатством, люди за нее могут платить и деньги. И это даст возможность развивать в крае туризм.

Скажу еще об одной особенности половинкинского музея: это музей, сделанный не для села. Он сделан с желанием сохранить народную память, которая умирает. Но посещать его половинкинцы не будут, поскольку у них так или иначе все это сохранилось в своих домах. Этот музей сделан для людей приезжих, желающих ознакомиться с этой уникальной культурой манси. Сейчас пока живой приток посетителей затруднен, но со временем музей мог бы быть включен в культурную программу для жителей и гостей близлежащего города Урая.

Т. Мкртычев,
кандидат искусствоведения.

Любому из вас, уважаемые читатели, случалось попадать в неприятные ситуации, когда с вами обходятся так, будто вы только этого и достойны и не заслуживаете большего: то объявят посадку на самолет, после чего на сорок минут о вашем существовании забудут, то поселят в гостиничный номер, в котором начинаешь мерзнуть, еще не сняв пальто, то предложат настольную лампу, у которой длина провода меньше, чем расстояние от стола до розетки. Кто-то из вас уже вспоминает неизменные мокрые простыни — родовой признак нашего железнодорожного транспорта, а вместе с этим и появление в поездах видеосалонов с одновременным исчезновением патриархального неприлично дешевого чая. И несть числа воспоминаниям о подобных мелких и крупных неприятностях и неудобствах. Все это старо, как мир.

В этой статье мы и хотим поговорить о повсеместном унижении человека в сфере удовлетворения его житейских потребностей — не примитивно хамском, проявляющемся в прямом контакте, а анонимном, «от имени и по поручению» предприятия, конторы, ведомства и уж во вторую очередь и далеко не обязательно — с добавлением «от себя лично». Это направление взгляда для нас важно потому, что наши многообразные личные потребности удовлетворяются в большинстве своем не частными лицами, а государственными службами.

Удовлетворяются. Но насколько и с какими издержками для людей? На каждом шагу натыкаешься на эгоистичную ведомственную отчужденность и неуважительность. Они проявляются и в удорожании услуг без повышения их качества, и в перекладывании различных неудобств на потребителя, мотивированном бесчисленными инструкциями и правилами, и в формальном только, показном проявлении заботы, и в бесцеремонной растрате времени обслуживаемых людей, и в нередких случаях дезинформации, обмана, и в том, что человек своего ведомства — превыше всяких прочих. В одном и том же городе, даже при одинаковой цене проезда на различных видах транспорта, нет единого билета, и контролер, глядишь, уже изловил и изобличил «преступника», проехавшего на троллейбусе по автобусному билету. В Тюменском транс-агентстве на автобус до аэропорта кассир продает столько билетов, что весь проход забит пассажирами — вот вам и комфортабельный транспорт. Один из видов ведомственных поборов — плата за бронирование места в гостинице, хотя зачастую фактически оно не бронируется, и человек, лицемерно именуемый «гостем», отстояв полчаса-час в очереди к администратору, находит в номере еще не остывшую чужую постель, и грязь на полу, и неработающий телевизор (телефон, холодильник), за пользование которым деньги уже взяты вперед. Назначая пациенту время приема, ни врач, ни медсестра не берут на себя заботы о соблюдении установленной ими же очередности. Я не знаю случая, чтобы кто-нибудь из медицинских работников поддержал бы усилия больных по наведению порядка. За всем этим видится ведомственная отгороженность и нежелание лишней раз повернуться к человеку.

Может быть, особо характерное проявление отраслевого равнодушия к человеку заключается в повсеместном распространении с быстротой эпидемии платности туалетов, из-за которой в иных городах не осталось уголка, где может удовлетворить свои надобности нищий. Вот эта бесцеремонность, жесткость, с которой людей ставят в безальтернативную ситуацию, — одно из определяющих качеств нашего сервиса. Как это ни парадоксально, услужливость для сферы услуг несвойственна, и живет она не в системе, а лишь в отдельных людях, которые подчас выглядят белыми воронами.

Дело, пожалуй, в том, что продавец у нас — больше, чем продавец, так же как администратор в гостинице — больше, чем администратор. Все они в какой-то степени еще и государственные чиновники. Они приветствуют пассажиров или извиняются за задержку рейса не иначе, как «от имени Аэрофлота», персонифицировать эти акты формальной вежливости зачастую они просто не в состоянии. И вот в этом-то и все дело. С одной стороны, всегда есть возможность любой недостаток объяснить внешними причинами (плохое снабжение, недопоставки всего и вся, бестолковые распоряжения начальства, необходимость подчиняться инструкциям, чей-то прогул и пр. и пр.), а с другой, работник сферы обслуживания всегда охотно представит вам всю очевидную несоразмерность вашего ничтожного, мелкого, личного интереса

(«мне бы ваши заботы») интересу государственному, живым олицетворением которого является его Контора. Прикрываться широкой спиной государства очень удобно, поэтому все маскируется под особые государственные соображения и высший державный интерес. И обратите внимание: продавец кооператива, не имеющий такого статуса и универсального прикрытия, и ведет себя иначе. На него не надо смотреть снизу вверх, у него с покупателями одинаковые весовые категории и ему, в отличие от его государственного коллеги, никогда не придет в голову быть чем-то большим, чем продавец товара или услуги — заниматься, например, демагогией; «вас много, а я один» — этот аргумент не для него.

Мне кажется, для социологов и психологов большой интерес должен представлять феномен ведомственного человека. Разве не любопытно? — отрасль подчиняет его своим интересам, порождает такие явления, как «маленький человек», круговая порука, «честь мундира», когда изо всех сил выгораживают СВОИХ жуликов, лодырей, капризных барышень. И вот уже слышишь, как на возмущенное требование пассажира показать, где написано, что этого нельзя, кассир на вокзале отвечает с нажимом: «А это написано в НАШИХ правилах». Так, может быть, в первую очередь обществу нужны другие правила — правила, выработанные потребителями для тех, кто предлагает им товар или услугу, а уж потом — те, которыми так часто этого потребителя загоняют в угол?

Боевая сверхзадача ведомственного человека — доказать, вопреки декларации, что покупатель (пассажир, клиент и т. д.) ВСЕГДА НЕПРАВ. И честное слово, жаль бывает тех же продавцов, когда видишь, как эти такие же обыкновенные люди, ничуть не хуже и не лучше тех, что по другую сторону прилавка, деформированы жестким ведомственным мундиром. Они первыми расплачиваются за не всегда умное бумаготворчество привилегированных отраслевых управленцев, которые в жизни не так уж часто терпят на себе издержки оберегаемой ими системы, за все «отдельные недостатки» сверхцентрализации и монополизма. Заставляя лгать, изворачиваться, грубить и т. д., ведомство и у принадлежащего ему и служащего верой и правдой работника сокращает жизнь, ибо поселяет разлад в душе, неразрешимое противоречие между отраслевыми и общечеловеческими ценностями.

Горькая ирония жизни заключается в том, что сами работники сервиса тоже потребители, и маленький человек одного Великого Ведомства для маленького человека другого Великого Ведомства не значит ровным счетом ничего. Изящная аэрофлотская форма отнюдь не приводит в трепет человека в белом халате, за прилавком ли он или в регистратуре поликлиники.

Часто, слишком часто люди, привыкшие уважать и почитать государство, не находят слов возражения, когда сталкиваются с конкретным, персонифицированным бескультурьем, оскорбляющим их достоинство и при этом исходящим от государственного служащего. Отсюда и искаженные формы протеста. Может быть, и повсеместный мат — отчасти один из примитивных видов такого протеста. И не имеет ли он общих корней со столь широко распространенной практикой «сигналирования» о беспорядках, за которой виден опять тот же бессильный «маленький человек», не сознающий своей собственной ответственности?

Мы еще не научились беречь достоинство личности — эту великую ценность, без которой невозможно возрождение. Достоинство не позволяет быть иждивенцем, лгать, красть, поступаться совестью, рабски зависеть от чужого мнения, пренебрегать чувством долга, быть безразличным. Достоинство означает самоуважение, оно одно только и может быть гарантией сохранения человеческого в человеке. Гражданин перерождается в обывателя именно от многократного повседневного унижения.

Сейчас мы переживаем момент начала раскрепощения личности и стало особенно заметным несоответствие между динамичностью общественного самосознания и застывшестью нашего советского сервиса, который не меняет своего отношения к человеку. Обслуживающие, да и прочие ведомства, являясь частью государства, а иногда и государством в государстве, по-прежнему дискредитируют его в глазах гражданина.

Нет, потребление — это та область, где должно доминировать не государство, а личности, частному потребителю и частному продавцу, иначе не покончить нам с униженностью человека. Ведомственность, монопольность в потребительской сфере — это ловушка, тупик, неизбежная деградация. Оздоровить систему может только разукрупнение и разгосударствление. Конечно, немалая часть работников, обслуживающих отрасли будет сопротивляться приватизации собственности, но можно ли медлить с ней при таком положении?

Б. ЖУРАВЛЕВ.

В ПЕРВЫЕ увидеть традиционную детскую игрушку — оленя — довелось на реке Вах, как, впрочем, и мастерски сделанных уток — манщиков — это были настоящие образцы народной скульптуры. В существовании их у «речного народа» и поныне сомнений не было, да все никак не удавалось встретить.

Повезло на стоянке Каткалевых, в верховьях Ваха. По тому, как ловко, отработанными движениями, словно играючи, делал Степан Каткалев оленей из щепы, уже было ясно — это традиционная народная игрушка, а движения мастера, принцип работы выверены веками. Так же уверенно делают традиционные предметы быта, стреляют, ходят на лыжах. Правда, олени не походили на тех, что зафиксированы в этнографической литературе — с деревянным туловом и металлическими рогами — и относятся к культовым изображениям.

Н. Федорова, искусствовед.

Зато эти, из цельной щепы, отличались простотой и оригинальностью конструкции, своеобразной технологией, выразительностью образа. Они и делаются на «одном дыхании»: от тулова (надрезанной щепы) отгибаются ножки, хвостик, шея, голова и далее расщепляется, с отгибами, ветвистая крона рогов. Маленький олень — маленькая крона, большой олень — большая крона рогов-ветвей. И вот уже целое стадо словно шествует по большому пространству ваховских угодий. А внимательно посмотришь на орнамент берестяных коробок, что «рисуют» на бересте женщины Ваха — и та же свобода исполнения, тот же ритм зигзага-движения, пути, пространства...

В Тюмени, в музее изобразительных искусств, мы, коллеги, радовались, что видим редкие для нашего времени образцы традиционной игрушки. А вскоре они попали на Всероссийскую, а затем и на Всесоюзную выставку народного искусства в Москве (1989, 1990 г.г.) и по достоинству были оценены специалистами. Пришлось даже уступить просьбам сотрудников Загорского музея игрушки и

передать часть изделий в этот главный музей страны по собиранию и изучению народной игрушки.

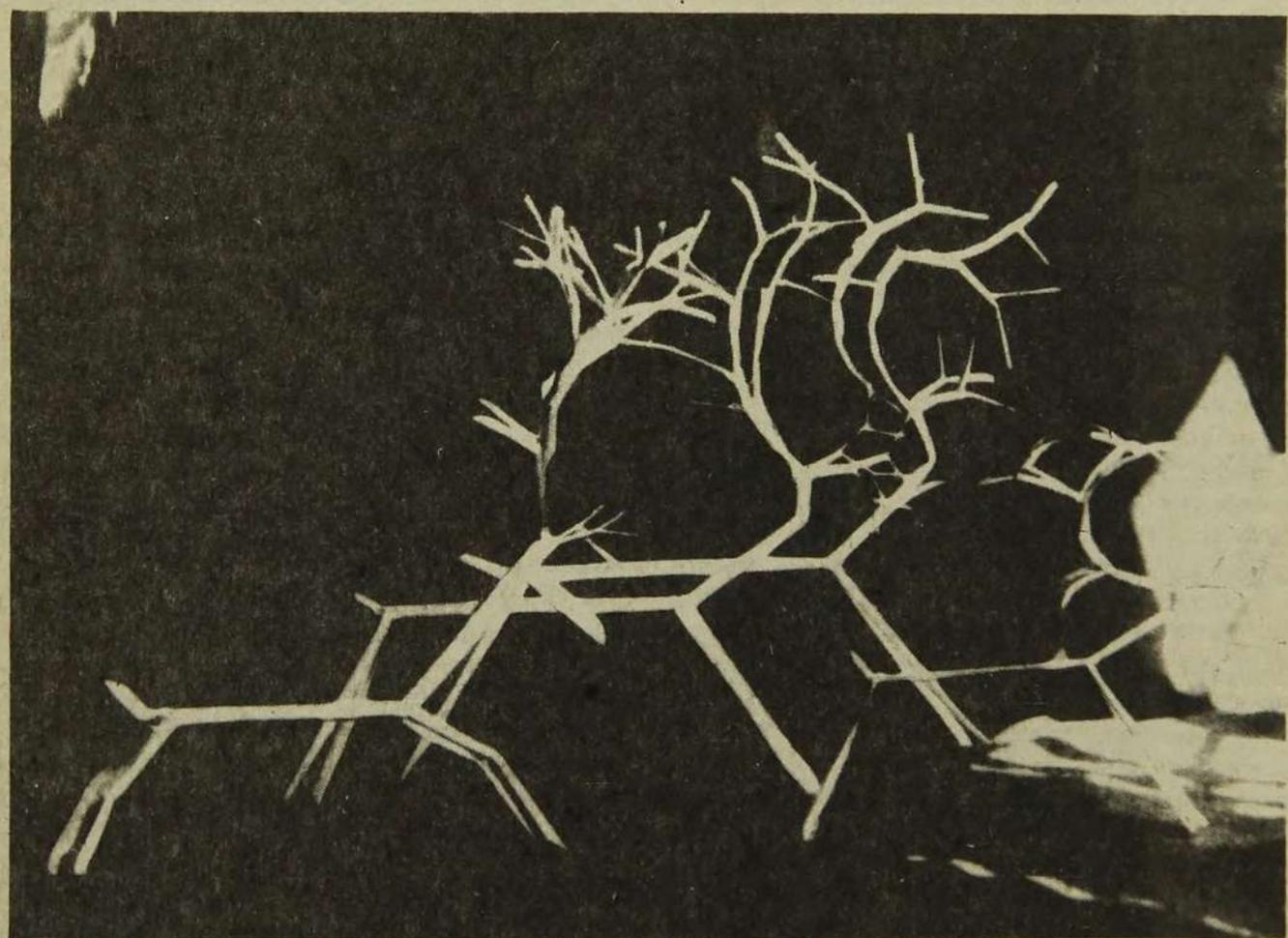
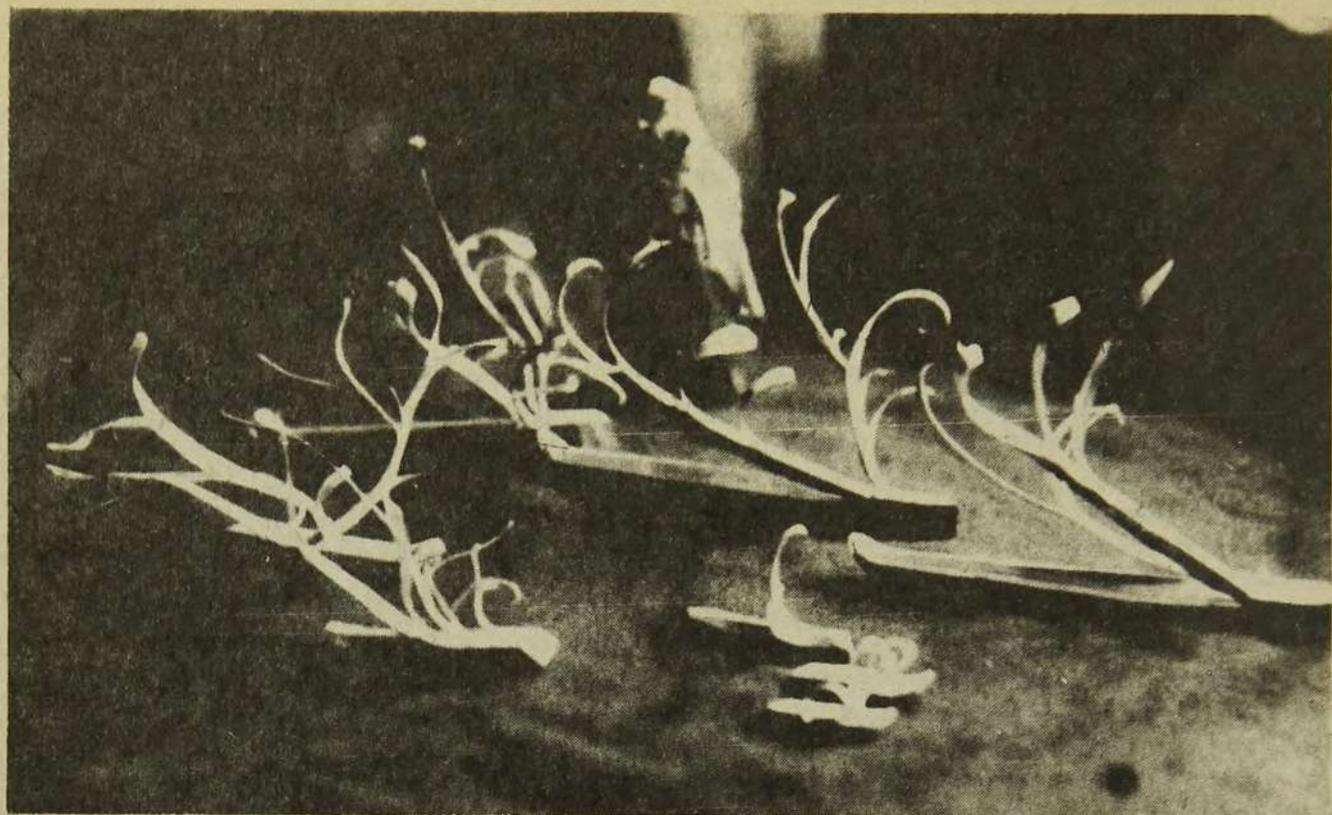
Художественное творчество в народной жизни никогда не стояло особняком, оно было неотъемлемой частью ее, а в жизнь детей входило — как и всякое знание — через игру. Традиционные игры, сказки, узоры орнамента посвящали человека в жизнь своего народа, в сжатой, кристаллизованной форме несли культурный опыт поколений. И если игра — это своеобразная модель жизни, то игрушка — модель того или иного предмета или существа. Моделирование же, т. е. создание образа — и есть творчество.

«Сейчас в больших поселках, как Теги, игру в оленя не увидишь, — рассказывает Максим Степанович Отшамов, известный в округе как исполнитель народного танца, песен. — А раньше много играли. Выстраивали целые стада и ходили друг к другу в «гости».

ОЛЕНЬ с реки ДЕТСТВА

Чум ставили из палочек, как по-настоящему. Оленей в стаде разных делают: хор будет, важенка, маленькие олени, какой-то со-сломанным рогом или сбросил рога...»

С Максимом Степановичем Отшамовым мы познакомились на II съезде народов Севера. Что-то выдавало в нем мастера, и действительно, оказалось, что он прекрасно делает игрушку. Характер оленя в отшамовском «стаде», так же, как и на Вахе, сразу видно по рогам: вот гордый красавец с рогами-деревьями; другой — стремительно летящий, «крылатый»; маленький-резвый, с рогами вразлет; здесь же — сильный, степенный, выдавший виды, один рог у него короче другого. И всегда — это характерно для всех мастеров — в каждом олене, даже самом простом, чуть намеченном — ощущение движения, простора. Когда к оленям во время игры присоединяются куклы (акань) — словно воплощение самой природы, многоцветной и многомерной — все вокруг

На снимке Н. Бурундукова:
игрушки, изготовленные мастером С. Каткалевым.

вдвойне оживает и преобразуется. Именно так было и на выставках, где экспонировались изделия наших мастеров.

Тегинский, обской тип оленя, при общем родстве с ваховским, оказался принципиально иным. Такого же типа оленей, как выяснилось позже, делают и на Агане, Казыме и даже на Ямале, но везде со своими особенностями. Все они из щепы, но не тонкой, как на Вахе, а ближе к брусочку. По сути дела это и есть щепя-брусочек, каким нередко играют дети. Но вот передняя часть его срезается на острый угол — голову, боковые грани застриваются на рога. Сзади особым приемом — подрезом обозначается приподнятый хвостик и олень, отщепляясь, ловко срезается и как бы спрыгивает с оставшегося в руках мастера брусочка. Особенно ловко это получается у Олега Панчевича Айваседы с реки Аган. Правда, его щепя-олень поменьше, а рога он выводит длиннее, чем тулово, и более пологими, мягкими. Срезанный им олень словно «слетает» с дощечки. При всей простоте такие игрушки требуют легкости и точности движения мастера.

Может быть, в каком-нибудь из ска-

заний бог-творец так же создавал оленьи стада... На медвежьем празднике реки Казым и сейчас исполняют большую песню о том, как когда-то народилось много оленей на Оби и ее реках, а значит и народа. После завершения священной песни посохом разбиваются хлебные фигурки оленей — знак жертвоприношения во имя дальнейшей жизни, а «тело» их раздается присутствующим. Изготовление игрушек нередко связывалось с идеей продолжения и благополучия жизни. И делали их не только взрослые, но и дети. На празднике хлебных зверей у манси «дети лепили из теста фигурки оленей, коней, птиц и рыб и на следующий день их съедали. Считалось, что после этого не будет пропадать домашний скот»¹. Подобный ритуал совершался и у славянских народов как символ вечновозрождающейся природы. И сейчас в деревнях разных областей России продолжают делать глиняные и деревянные игрушки. Строго ритуальная роль их уже утрачена, но смысл остается прежний, а получить такую игрушку в подарок — большая радость.

¹ С. В. Иванов. Скульптура народов севера Сибири. Л., 1970, с. 61.

Фото: Бурундукова Н. А.

Мастер С. Каткалев.

117640

СХП

О глубинных корнях народной игрушки известный ее исследователь В. Н. Харузина писала в начале нашего века: «За каждой игрой скрывается обряд, в котором игра занимала когда-то выдающуюся роль. Обряд в настоящее время уже исчез. Игра стала забавой, но иногда возможно в правилах игры открыть прежнее соотношение. Обряды, сопровождавшие игры, имели целью лечение болезней, изгнание злых духов, размножение животных видов»¹.

«Новому хозяину — новые олени». Не так ли думал предок современного мастера, когда «строгал» вставшему на ноги ребенку первых оленей? Играя в них, одушевляя, он и готовился быть хозяином, продолжателем рода. И еще — мастером. Народные игрушки всегда просты, что дает возможность ребенку повторить образец.

«Простота» же их имеет свою силу и смысл. Василий Лянтин с реки Юган рассказывал, что в детстве, т. е. сравнительно недавно, ему не разрешали вырезать изображение живого существа «похоже», чтобы недобрая сила не узнала и не вселилась в его игрушку, которая, напротив, должна была оберегать его. Изображения животных, кукол раньше и делали как вместилище души. Этим, в частности, объясняется отсутствие изображения «лица» у кукол, вернее его условное, знаковое изображение. Подобные ограничения способствовали поиску таких выразительных средств, чтобы без внешней, натуралистической схожести воссоздать образ. Простые охотники, рыболовы тем самым интуитивно следовали главному закону творчества — изображать не внешнее, поверхностное, но суть. Отсюда и та лаконичная, наполненная внутренней силой форма, которая так поражает в произведениях народных мастеров. Эта особенность живущего и донныне художественного стиля отличает и традиционные изделия современных мастеров, и рисунки детей, и творчество национальных художников.

Все начинается с детства, и память его питает нашу жизнь, как источник. Игрушка же — память детства не одного поколения, а целого народа.

¹ Игрушка. Ее история и значение. М., 1912, с. 114.

ЖДАТЬ ИЛИ

Исходя из главных целей журнала, к которым относится широкое обсуждение проблем рационального природопользования, редакция обратилась к президенту Ханты-Мансийской научно-производственной территориальной ассоциации «Аки-Отыр» Владимиру Николаевичу Красиле с просьбой рассказать о тех новых принципах и методах хозяйствования, которые разрабатываются и внедряются в практику ассоциацией. (Поясним, что «Аки» в переводе с хантыйского языка, как и «Отыр» в переводе с мансийского, означает одно и то же — «покровитель»). В дальнейшем редакция намерена регулярно рассказывать о хозяйственной деятельности ассоциации.

* * *

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ научно-производственная территориальная ассоциация «Аки-Отыр» возникла в процессе поиска новых структур хозяйствования, за счет которых предполагалось развить муниципальный сектор экономики автономного округа, создать окружной промышленный потенциал, стабильно обеспечивающий население рабочими местами, бюджет — дополнительными финансовыми ресурсами, экологию — новыми методами рационального природопользования, воспроизводство среды обитания коренного населения за счет развития традиционной деятельности и ее дальнейшей модернизации.

Среди ее учредителей — нефтегазодобывающие, геологические, промышленные, производственно-коммерческие, научно-производственные организации и органы государственной власти. Чле-

СОЗДАВАТЬ?

нами ассоциации в последнее время стали и строительные организации.

Нынешнее состояние экономики округа, его политическое положение заставляет нас по-иному относиться к перспективе. Речь идет о том, чтобы за счет внедрения новых форм хозяйствования выйти на новый уровень функционирования экономики, наконец-то сделать так, чтобы люди почувствовали отдачу от изменений в экономической сфере, чтобы это отразилось и в социальной, культурной областях, в духовной жизни человека.

И это мы можем и должны сделать — на базе собственных ресурсов построить новые производства и получить продукцию, которая бы пользовалась спросом не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Такой продукцией может быть буквально все, что связано с переработкой нефти, торфа, меха, древесины. Кстати, ее мы вывозили более 12 миллионов кубометров в год, выполняя государственный заказ. Но при этом полки наших магазинов не ломались от мебели, строительных материалов, других изделий, которые изготавливаются из древесины. Сырье, в том числе хвоя и другие компоненты, могло бы использоваться для изготовления высококачественных препаратов для агропромышленного комплекса, парфюмерной, фармацевтической промышленности, изготовления бумаги, целлюлозы. Но, увы, это не входит в государственные интересы и вряд ли в ближайшее время можно ожидать, что что-то изменится. Поскольку ни союзная, ни союзно-республиканская промышленность не заинтересована и экономически не в состоянии развивать быстрыми темпами переработку, нам уповать остается лишь на самих себя.

СЛОЖНАЯ, но очень важная задача состоит в том, чтобы в ближайшее время произвести крупномасштабную структурную перестройку экономики, вывести ее на щадящий режим природопользования на основе развития переработки и утилизации отходов. За счет координации научно-технических разработок и внедрения их в конкретные дела, непосредственно связанные с производством товаров и услуг, необходимо увеличить объем производства, и в условиях рынка мы сможем выйти со своей продукцией на межрегиональный уровень. Комплексно переработанную продукцию можно будет реализовать на внутреннем и внешнем рынке или обменивать на другие товары на взаимовыгодной основе, при этом обеспечить устойчивое финансовое положение округа за счет развития муниципального сектора, предприятий окружной юрисдикции.

Раньше казалось, что нам нечего предложить, а когда мы специально занялись этой темой, то увидели, насколько велик наш потенциал. У нас достаточно богатый край, чтобы при продуманных подходах решить задачу самообеспечения товарами народного потребления, продовольствием, обеспечить населению, проживающему в округе, достойный человек уровень жизни, а не нищенское существование.

Мы очень неразумно используем сырье, теряем его, как известно, до 40% при заготовке леса, теряем при транспортировке. В местах молевого сплава накопилось такое огромное количество древесины, что в пору закрывать отдельные леспромхозы и переводить их на добычу древесины из-под воды. Это не только экономически, но и экологически выгодно, очистка дна рек позволила

бы увеличить проходимость рыбы на нерест. А это повлияет на воспроизводство рыбных запасов. Однако простота задачи порой неожиданно оборачивается сложностью. Казалось бы, вылови древесину и получи выгоду. Как известно, мореная древесина имеет особую ценность, зарубежные партнеры начали в последнее время ею интересоваться. А вот экономический механизм еще не заставил предприятия искать эту древесину, собирать ее. Она так же, как и металлолом, разбросана; бесхозна.

По этой проблеме сессия окружного Совета приняла решение. Заключается оно в том, чтобы дать время предприятиям и организациям прибрать разбросанные материально-технические ресурсы, а затем признать бесхозным то, что не находит хозяина, и реализовать по договорным ценам.

Недавно сургутские подводные строители принялись за очистку бассейна реки Лена от затонувшей древесины. А как бы хорошо было, если бы они стали этим заниматься у нас. Но, как ни странно, нам такие услуги предложили не сургутяне, не кондинцы, в чьих реках больше всего завалов, а омские и казанские кооператоры. Еще, видимо, не появились те люди, которые могли бы сопоставить затраты на эти работы с той выгодой, которую обещает переработка и реализация мореной древесины. Этим делом мы уже занялись, образовав при ассоциации кооператив «Иртыш».

СО СТОРОНЫ акционерных обществ, консорциумов, ассоциаций, совместных предприятий влияние на бюджет округа не только в рублях, но и в валюте будет в последующем возрастать. Все эти новые структуры, безусловно, трубуют подготовленных кадров. Брать на себя ответственность, с первого колышка внедрять хозрасчет на предприятиях, работать в режиме самофинансирования — на эти вещи немногие способны, да и риск большой. Я отношусь с большим уважением к тем людям, которые могут взять на себя ответственность, могут рисковать. Не обязательно, чтобы эти люди были из числа прежних руководителей. Не-

которые в старом механизме занимали скромное место, были рядовыми специалистами, экономистами, юристами, работали в области культуры, а сейчас занимаются предпринимательской деятельностью, причем довольно-таки успешно. Предприимчивых людей в ближайшее время появится много. И надо им помогать становиться, чтобы они меньше делали ошибок и быстрее овладевали школой бизнеса. Я уверен в том, что спасти нынешнее положение в экономике могут лишь те, кто готов рисковать, взваливать на себя тяжелую ношу ответственности.

К тому, чем я занимаюсь сейчас, меня толкает понимание того состояния, в котором мы находимся. От ожидания, что наши проблемы решатся из центра, мы ничего не получим. Только новые рыночные структуры способны решать региональные задачи. Мы сами будем производить. Для этого требуется концентрация финансовых и материальных ресурсов и умение организовать дело, которое было бы выгодно всем предприятиям, всем учредителям и членам ассоциации. На этих принципах мы взялись за разработку забалансовых месторождений нефти; ее переработку, развитие туризма, создание мощностей по деревообработке. В дальнейшем серьезное внимание будет уделено пушному звероводству, торфопереработке и т. д. Главное состоит в том, что все перечисленные отрасли будут базироваться на природных ресурсах автономного округа и концентрации финансовых и материально-технических ресурсов предприятий, расположенных на его территории.

АССОЦИАЦИЯ предполагает, что через нее можно будет выйти на разрешение проблемы, связанной с традиционной экономической деятельностью коренных народов. Мы берем на себя это обязательство. Решить проблему через местные бюджеты невозможно, потому что средств нет, решить ее через уговоры предприятий союзно-республиканского подчинения тоже невозможно. А ее нужно решать, потому что уже есть безработица среди коренного населения, существуют и условия жизни, с которыми больше нельзя

мириться. Угодья сокращены, снижен их потенциал. Рыбодобыча потеряла значение. В общем, затруднена жизнь. И чтобы с этой задачей справиться, нужно очень быстро вкладывать средства в те направления деятельности, которые способствовали бы, с одной стороны, развитию традиционных отраслей, с другой стороны, подняли бы социальную сферу, в-третьих, решили бы проблему занятости населения.

Деятельность в традиционных отраслях для коренного населения должна быть не менее выгодна, чем любая другая деятельность. Большой недостаток состоит в том, что традиционные хозяйства сегодня базируются на отсталой технологии, нет подходов, которые бы делали эту продукцию выгодной, качественной, оформленной с помощью современного дизайна, как это умеют делать коммерсанты западных стран. У нас нет этого умения. Я думаю, что мы вместе с ними либо отдельно, приобретя оборудование, технологию по выделке шкур, по изготовлению этих изделий, по раскрою материалов с помощью специальных манипуляторов и автоматизированных систем управления, сможем представить продукцию на рынок и получить соответствующее вознаграждение, которое должно быть достаточным для того, чтобы обеспечить материальную и социальную базу коренного населения.

МЫ НЕ просто решаем задачу переработки, утилизации отходов, мы вышли на решение проблем, связанных с добычей нефти. Причем, добычи на малодебитных месторождениях, экологически чистыми методами. И это мы делаем для того, чтобы овладеть новыми технологиями, предложить такие технологии крупной промышленности.

У нас есть еще масса направлений, на которых можно было бы использовать потенциальные возможности округа. Например, развитие наукоемких производств. Если мы имеем хороших специалистов в области геологии, то почему не могли бы предложить какие-то наши разработки за пределами округа? Оказывается, можем. Сейчас объединение «Геосинтек» имеет разра-

ботки, которыми заинтересовались иностранные фирмы, т. е. имеет «ноу-хау», благодаря которому можно завоевать авторитет нашим специалистам на рынке, предлагая новые технологические достижения.

Я уже не говорю о туризме, в том числе иностранном. Мне недавно довелось быть в Венгрии, и я поинтересовался, сколько туристов приезжает в эту страну (а мы начинаем с ними контактировать в рамках ассоциаций в области создания совместных предприятий). Так вот благодаря этой деятельности венгры получают солидный куш в бюджет страны. Я знаю, что большой интерес испытывают за рубежом к Сибири и, в частности, к нашему округу. И эта сфера деятельности также находится в поле зрения ассоциации. Мы могли бы развивать в перспективе предприятия по изготовлению товаров бытовой электротехники. Мы сейчас открываем и такую возможность, как создание инновационного коммерческого банка с ориентацией на акционерное общество, а средства будем вкладывать как раз в развитие экономики округа, городов, районов.

Для такого рода деятельности потребуются огромные капитальные вложения. Если говорить о тех, небольших месторождениях, которые переданы для разработки, каждое из них выходит за пределы 20 млн. рублей единовременных капитальных вложений. Приходится ориентироваться на то, что предприятия могут своими финансовыми ресурсами участвовать в этом процессе, быть членами ассоциации. И самое интересное — создание совместных предприятий. Оно, к тому же, будет способствовать контактам венгров, финнов с нашими коренными народами. Интерес к этому огромный и нужно способствовать тому, чтобы эти связи развивались, в том числе в рамках ассоциации «Аки-Отыр».

То, чем мы занимаемся, мы делаем с удовольствием, с большим интересом. Из тех, кто входит в ассоциацию, нет такого, который не вносил бы какие-то предложения, не горел, не создавал. Деятельность ее распространяется на всю территорию округа.

И ОХОТНИЧИЙ

ПРОМЫСЕЛ ЮГРЫ

В. Новиков

ПОНЯТИЕ «Югра», территориально представляемое как «земля за Уралом», значительно более широкое чем территория Ханты--Мансийского округа в нынешних его границах. Значение пушнина, рассматриваемое в статье первоначально для территориально менее определенной «земли Югорской», впоследствии сводится к конкретной территории округа.

Основной причиной экономического освоения Югры, начавшегося в XI веке, послужили огромные пушные богатства края. Пушнина играла в те времена крупнейшую роль в экономике, составляя основу русского экспорта. В первый период русского проникновения в Югорию важнейшей целью военных экспедиций было именно обложение покоренных племен «ясаком», выплачиваемым исключительно пушнинаю. Позднее, помимо сбора ясака, большое значение приобрела и торговля мехами.

На обилие мехов и выгодность торговли сибирской пушнинаю указывал П. Н. Буцинский. Он писал, что инородцы привозили ясак в дорогих собольих шубах и на лыжах, подбитых соболями; за медный или железный котел они давали столько шкур соболя или чернобурых лисиц, сколько их могло в котел вместиться [2]. Пушнина ценилась необычайно дорого. Продажная цена шкурки чернобурой лисицы в XVII веке доходила до 8 рублей, соболя — 7 и более рублей; в то же время лошадь на Оби стоила 2 рубля, корова — 1 рубль 50 коп., свинья — 35 коп., пуд ржаной муки — 6 коп. [16]. Сибирская пушная казна (соболиная казна) в 1660 году давала свыше 600 тысяч рублей дохода, что составляло около одной трети годового бюджета государства [7]. Поэтому Московское государство стремилось к установлению и сохранению монополии в деле торговли пушнинаю.

Наиболее важным центром в торговле пушнинаю в первой половине XVII века была Мангазея, позднее — Обдорская и Ирбитская ярмарки, а также — Тобольск. По свидетельству А. А. Дунина-Горкавича, одна из наиболее известных местных ярмарок находилась в Сургуте [6]. Пушнина была одним из основных объектов московского экспорта и вывозилась в Англию, Польшу, Бухару, Хиву, Персию, Китай [16].

Экономическое значение зауральских владений для русского государства особенно возросло после похода Ермака и присоединения сибирских земель к Московскому государству в конце XV века. После покорения татарского «Сибирского царства» народы Сибири поставляли одной только казне ежегодно 200 тысяч соболей, 10 тысяч черных лисиц и 500 тысяч белок, много бобров и горностаев [6]. В XVI и особенно в XVII веке ханты и ненцы платили по 5 соболей с человека в качестве ясака. Кроме ясака, взимались подарки царю — «государевы поминки». При сборе ясака ханты приводились к «шерти» (клятва перед медвежьей шкурой), брались заложники

[аманаты], для ускорения ясачного сбора практиковалась выдача подарков («государева жалования») [13].

С начала XVII столетия Обский Север несколько утратил прежнее экономическое значение, что было обусловлено как истощением пушных богатств края, так и утратой значения пушнина как «всеобщей валюты» [9]. С развитием товарно-денежных отношений «мягкая рухлядь» уже перестала быть валютным товаром. В 1727 году в Сибири разрешается свободная торговля соболями, в 1753 году отменяются все таможи и сборы, в 1769 году народам Сибири предоставляется право вносить ясак или пушнина или деньгами [16]. Поступление мехов в царскую казну уменьшилось, несмотря на объявление Петром Первым шкурки соболя, черно-бурых лисиц, горностаев и бобров «заповедными товарами», запрет на продажу их в народ, а также на высокую стоимость сибирской пушнина за границей. Хищническое истребление наиболее дорогих зверей — бобра и соболя — сильно подорвало их запасы [8].

Несмотря на большее экономическое значение промысла диких зверей на территории лесной Сибири, чем земледелия [8], развитие промышленности и сельского хозяйства в крае в первой половине XIX века отодвигает пушнину на второй план. Ее удельный вес в государственных доходах падает до 11—13% [16].

Значение пушнина в экономике советского государства существенно различается в довоенный и послевоенный период. В конце 20-х — начале 30-х годов русская пушнина восстановила свое монопольное положение в международной пушной торговле.

В 1924 году по стоимости пушнина занимала второе место в экспорте. В конце 20-х годов удельный вес пушно-мехового сырья в экспорте страны достигал 11,5%, в послевоенный период — сократился до 0,8%. Падение значения пушнина как экспортного товара обусловлено ростом удельного веса других экспортных ресурсов: леса, нефти. Основное значение в экспорте пушнина приобрела звероводческая пушнина.

В 1938 году ее удельный вес составлял немногим более 1%, а в 1968 году достиг почти 49%, несмотря на более высокую валютную эффективность охотничьей пушнина [13].

За годы советской власти самым высоким уровнем добычи пушнина в округе характеризуется довоенный период. После войны начинается сокращение количества добываемой пушнина. Особенно сильно падает добыча белки. Одной из непосредственных причин уменьшения добычи пушнина в послевоенный период является сокращение числа охотников. Если в 1940 году по Ханты-Мансийскому округу на пушную промысел выходило более 4 тысяч охотников, то в 1965 году вышло 1224 охотника.

Сокращение числа охотников обуславливалось организационно-экономическими факторами: изменением структуры экономики колхозов и их размещения, ухудшением организации промысла, снижением материальной заинтересованности охотников в добыче пушнина [18, 19]. Отрицательно сказалось также сселение небольших поселков (юрт) в крупные.

Широкое расселение охотников и рыбаков небольшими поселками и полукочевой образ жизни у оленеводов сложились исторически вследствие необходимости оптимального использования разобщенных ресурсов низкопродуктивных таежных угодий. Наиболее полное и равномерное, т. е. экологически целесообразное освоение ресурсов происходило за счет максимального приближения населения к местам промысла, что значительно облегчало проблему транспорта.

В результате сселения мелких поселков охотники и рыбаки были оторваны от своих угодий. Отдаленные угодья запустели. Возникла проблема их охраны. Утрата оленьего транспорта сильно затруднила опромышление дальних угодий. Проблема транспорта на охотничьем промысле актуальна до настоящего времени.

Экономическая целесообразность широкого рассредоточения трудового населения в угодьях для рационального использования ресурсов тайги и успеха охотхозяйственного производства несомненна.

После середины 60-х годов, в условиях интенсивного промышленного освоения

территории округа отмечается снижение биологической и хозяйственной продуктивности охотничьих угодий. Сокращаются ресурсы основных объектов пушного промысла в регионе: белки, соболя, ондатры. Резко сократились ресурсы лисицы и выдры. Основные причины сокращения ресурсов — разрушение местообитаний в результате рубок леса, лесных пожаров, истребительного охотничьего промысла, нефтегазопромыслового освоения территории. Сократился объем заготовок пушнины всех видов (кроме норки): соболя, кидуса, колонка — в 1,5—1,8 раз; белки, куницы, горноста, ондатры, зайца-беляка — в 3—5 раз; россомахи, лисицы красной, выдры и медведя — от 9,7 до 146 раз. Почти полностью утратили промысловое значение бурундук и водяная крыса [11].

Коренным образом изменилась структура экономики промхозов: произошло резкое снижение удельного веса охотничье-промысловых отраслей и быстрое развитие отраслей, не свойственных промысловым хозяйствам — заготовки и переработки леса, звероводства [12].

Из несомненных достижений охотничьего хозяйства за советский период необходимо отметить восстановление поголовья соболя, акклиматизацию ондатры, давшую большой экономический эффект, расселение американской норки, создавшей устойчивые очаги в восточных районах округа [4, 10, 17].

Значение промысловой пушнины в экономике округа в настоящее время очень мало. По данным статистического управления, в 1981—1985 гг. в округе ежегодно заготавливалось дикой пушнины примерно на 900 тыс. рублей. Ежегодный объем добычи нефти в это же время достиг 300 млн. тонн. При цене 200 руб. за тонну стоимость ежегодно извлекаемой из недр округа нефти превышала стоимость добычи пушного охотничьего промысла примерно в 60 тыс. раз.

Звероводческой пушнины хозяйства округа ежегодно производят в среднем на 8 млн. рублей. Промысловая пушнина составляет не более 10% от объема заготовки звероводческой, хотя еще в середине 60-х годов, по сообщению Г. С. Седелникова, ее удельный вес достигал 15% [14].

Рост численности приезжего населения, вызванный промышленным освоением края, и низкие заготовительные цены повлекли за собой снижение товарности пушнины и увеличили ее потребительское значение в связи со значительным оседанием у населения [18, 15]. Оседание пушнины у населения обусловлено не только низкими закупочными ценами, но и высокой потребностью в мехах на внутреннем рынке. Цены на меха пушных зверей (особенно соболя, ондатры, лисицы красной, выдры, норки, медведя) у населения в несколько раз превышают цены государственных заготовительных организаций.

Оседание пушнины носит повсеместный характер несмотря на монополию государства в деле заготовки, переработки и торговли пушниной, а также утверждение перечня наиболее ценных пушных видов, подлежащих обязательной сдаче государству.

О масштабах оседания пушнины свидетельствует следующий пример. В конце 70-х—начале 80-х годов оседание мехов соболя по районам Ханты-Мансийского округа составляло от 25 до 90% от числа добытых охотниками, ондатры — 50%, лисицы красной и выдры до 90—100% [11]. Повышение закупочных цен в 1983 году несколько снизило размер оседания, например, мехов соболя примерно вдвое: с 60 до 30%.

Значение пушного промысла снижается и в других странах, например, в хозяйстве Американского Севера [1]. Неуклонно снижается и доход от промысловой пушнины в общем выходе продукции охотхозяйственных организаций нашей страны: в госпромхозах — с 39,8% в 1963 году, до 10% — в 1970 г., в коопзверопромхозах — с 23,2 до 7,5% соответственно [5]. В промхозах нашего округа в объеме реализованной продукции за 1981—1985 гг. промысловая пушнина составляла в среднем 9,2%. Прослеживается тенденция к снижению ее удельного веса в производстве продукции охотничьего хозяйства.

Развитие нефте- и газопромыслов, лесоразработок ухудшает условия ведения охотничьего хозяйства. Продуктивность угодий снижается. Заготовки пушнины выполняются

главным образом, за счет опромышления ресурсов белки и соболя. В 1988 году шкурки белки и соболя составили 81% стоимости заготовленной промысловой пушнины (шкурки ондатры, горностя и норки дикой — около 15%). Другие виды охотничьих животных опромышляются в незначительной степени. При полном опромышлении ресурсов охотничьих животных в угодьях округа биологически возможны заготовки пушнины на сумму до 2,5 млн. руб., что в два с лишним раза превышает фактический объем заготовок в настоящее время.

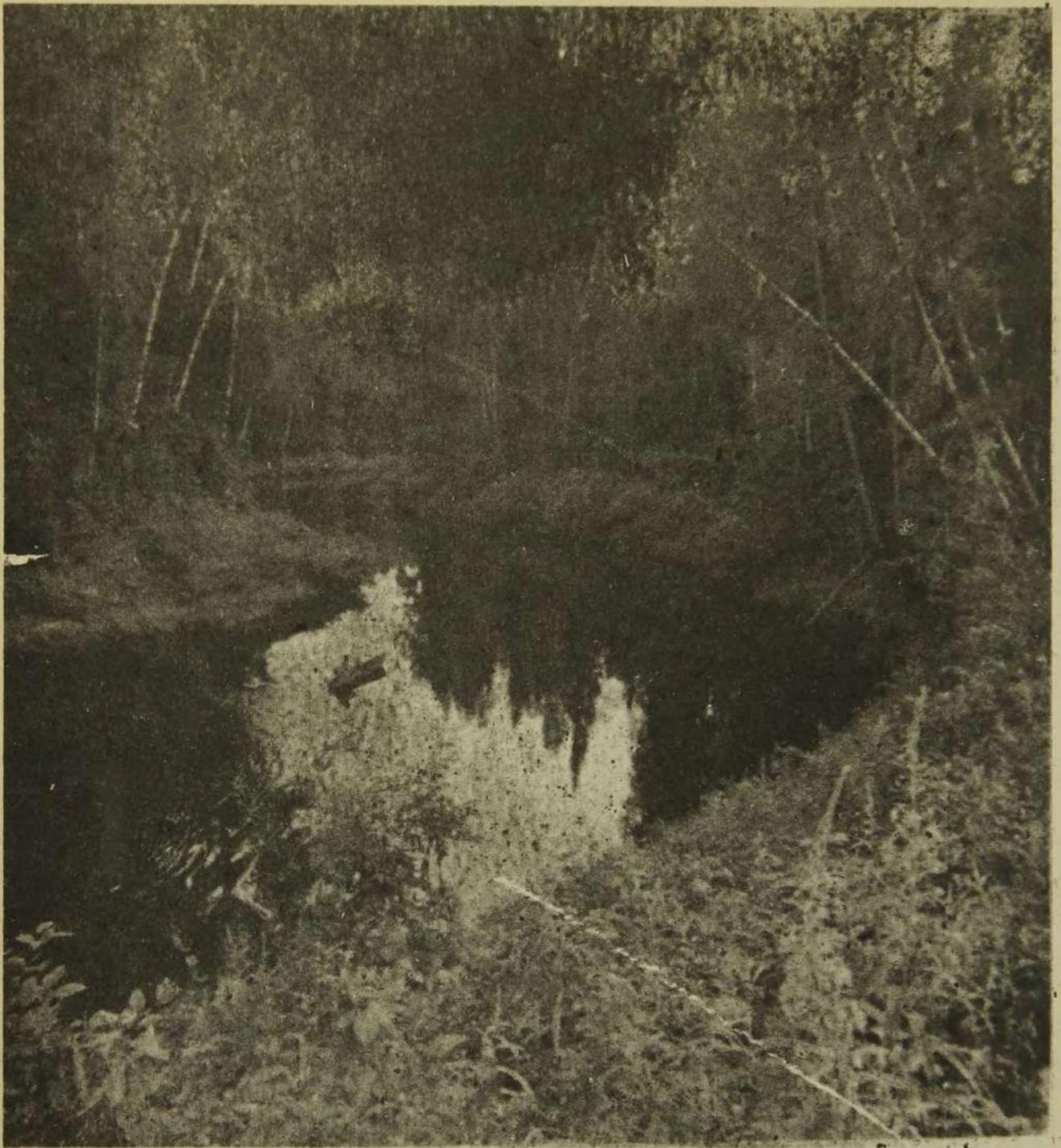
Исчезнет ли охотничий промысел как отрасль хозяйства! Утратят ли меха диких животных значение для человека!

С большой долей уверенности уже можно утверждать, что пушной промысел не исчезнет и значение мехов диких животных будет расти. Наиболее благоприятные условия для сохранения и дальнейшего развития охотничьего промысла в округе как отрасли хозяйства в настоящее время складываются в угодьях территорий приоритетного природопользования (ТПП), выделенных для ведения традиционных отраслей хозяйства коренным национальным населением. Угодья ТПП обладают наиболее высокой биологической продуктивностью. На угодьях, подверженных промышленному воздействию, возможно развитие любительского охотничьего хозяйства с опромышлением обширных угодий средней и низкой продуктивности силами сезонных охотников — членов обществ охотников и рыболовов.

Сохранение угодий — залог сохранения пушного промысла как древнейшего занятия человека на Югорской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранат Г. А., Пузанова В. Ф. Энергетика, сельское хозяйство Американского Севера. М., Изд-во АН СССР, 1962. 184 с.
2. Буцинский В. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.). Харьков, 1893.
3. Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омское обл. госуд. изд-во, 1952.
4. Воронцов Я. Н. Предварительные итоги акклиматизации пушных зверей в Тюменской области. — Известия Тюменского отдела Географического общества СССР, вып. 1. Тюмень, 1972, с. 53—64.
5. Данилов Д. Н. Новое в охотничьем хозяйстве. — М., Изд-во «Лесная промышленность», 1972. 152 с.
6. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2, 3. Тобольск, 1911, 1914.
7. Катошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е | Публ. и предисл. Барсукова А. П. СПб., 1906.
8. Кириков С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966. 343 с.
9. Кокосов Н. М., Никулин В. И., Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ (Очерк природы и хозяйства). — Свердловск, 1956. 104 с.
10. Корсакова И. Б. Ондатра. — Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Ч. 1. Киров, Волго-Вятск. кн. изд-во, 1973, с. 356—498.
11. Новиков В. П. Состояние ресурсов промысловых животных и продуктивность охотничьих угодий Ханты-Мансийского автономного округа в условиях промышленного освоения территории. — Ресурсы охотничье-промыслового хозяйства и прогноз их использования. Сб. науч. тр. М., 1985, с. 4—12.
12. Петренко В. Д. Отраслевая специализация коопзверопромхозов Ханты-Мансийского автономного округа. — Сб. «Сельское хозяйство Крайнего Севера». Ч. 2. Магадан, 1980, с. 226—228.
13. Пилитович С. С., Правоторов В. В., Дежкин В. В. Промысел и заготовки пушнины. М.: Изд-во «Экономика», 1971. 160 с.
14. Седельников Г. С. Состояние и меры улучшения охотничьего промысла. — «Организационно-экономические проблемы развития сельского хозяйства Ханты-Мансийского национального округа». — М-лы окружной экономич. конф. раб. с-кого хоз-ва. М., 1968, с. 154—156.
15. Стахревский Е. В. Оседание продуктов охоты. — Всесоюзное научно-производственное совещание по экономике и организации охотничьего хозяйства СССР 11—13 сентября 1973 г. Тезисы докл. Киров, 1973, с. 276—278.
16. Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). Средне-Уральск. кн. изд-во, 1964.
17. Тимофеев В. В., Павлов М. П. Соболя. — Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Ч. 1. Киров, Волго-Вятск. кн. изд-во, 1973, с. 51—105.
18. Чесноков Н. И. Охотничье хозяйство Обского Севера. Тр. ВНИИОЗ. Вып. 24. (М-лы юбилейной научной конференции 1967 г.). М., Из-во «Экономика», 1972, с. 41—57.
19. Чесноков Н. И. Развитие промыслово-охотничьих хозяйств Ханты-Мансийского национального округа. В сб.: Современное состояние и пути развития охотоведческой науки в СССР. I Всес. конф. Тезисы докл. Киров, 1974, с. 269—270.

На таежной речке.

ОСЕНЬ НА ТАПСУЕ

КАРАВАН

ПЛЫВЕТ НА ТАПСУЙ

ЕЖЕГОДНО, в сентябре, Нясимвольское охотхозяйство снаряжало небольшой караван лодок и развозило промысловиков в далекие таежные уголья по Тапсую — одному из крупных притоков Северной Сосьвы. Там, в специально построенных избушках, поселялись на зиму добытчики пушного зверя.

Осенним завозом промысловиков в тайгу на этот раз занимался мой приятель — охотовед Саша Папуев.

В эти дни у Саши и управляющего охотхозяйством Владимира Кирсантьевича Баева забот изрядно. Собрать людей на зимний промысел — дело нелегкое. Ежедневно я слышал, как Баев сердито выговаривал охотоведу:

— Вы мне план не сорвите! Не задерживайте караван!

Говорил он это в моем присутствии, несколько бравируя положением руководителя. Старался высказать свое возмущение несовершенной, на его взгляд, организацией охотничьего хозяйства.

— Вы понимаете, — обращаясь ко мне, говорил Владимир Кирсантьевич, — районное начальство предложило нам садить картошку. Картошку! А где ее выращивать? Кругом леса да болото.

— Ну, и как выполняете эту «установку»?

Баев отвечает с азартом:

— Я говорю руководителям: «Дайте летом месяца два отдохнуть нашим охотникам!» Ведь весной они собирают клюкву, а летом готовятся к осенне-зимней охоте. Ближе к осени — забота о грибах, ягодах. Надо же дать охотничьему населению поработать на себя. Это ведь большой стимул: сделал охотник для своего дома все необходимое, обеспечил семью — и идет спокойно на всю зиму в тайгу за пушницей!

— Справедливо! — соглашаюсь я.

В конторе людно, собрались почти все охотники-манси. И всех перекрывает нетерпеливый голос Баева:

— Все на охоту! Иначе — завалим план!

Обращаясь к одному из промысловиков, он спрашивает:

— Почему сидишь дома?

— Да, Владимир Кирсантьевич, собаки у меня доброй нету. Какой я охотник без нее!

— Какая собака у тебя?

— Да она у меня соболя в обратную сторону следит.

Все присутствующие смеются. Забавно: как это собака ищет соболя по следу не туда, куда он убежал, а туда — откуда появился?

Баев шутя возмущается:

— Безобразие!

Снова всеобщий смех.

Один из охотников просит у Папуева оленей:

— Сашка, дай-ка нам хороших быков, будем на волков ходить. Нынче их шибко много развелось.

Баев прерывает охотника:

Заплатин Михаил Александрович — известный кинооператор-режиссер, автор документальных фильмов о путешествиях по Уралу и Северному Зауралью («Легенда о золотом идоле», «Унья — красавица уральская», «Горный замок Монинг-Тумп», «Судьба горы Качканар», «По горной Чусовой» и другие). В Перми, Свердловске, Москве изданы его книги «На гору каменных идолов», «С кинокамерой вместо ружья», «Вдоль каменного пояса», «В лесах Северной Сосьвы», «В краю таежных рек» и другие. Участник Великой Отечественной войны.

Осень на Тапсуе

— Вы мне ценную пушнину дайте! А волки — что!

Затеваешь не менее важный разговор о лицензиях на отстрел лосей.

Управляющий напоминает:

— По лицензии бить только крупного лося, от трехсот килограммов и выше!

— Э-э... — произнес кто-то из охотников, — крупный лось — это хорошо. А если поменьше встретится?

Баев неумолим, категоричен:

— Телят не бить, пусть растут! Через два-три года станем их добывать. Кто будет стрелять телят — судить будем!

— Сами знаем... Не маленькие... — сказал наш будущий спутник старик-манси Герасим Номин.

Охотники улыбаются, с хитрецей на лице почесывают затылки: лося-то надо сначала найти, потом суметь добыть, а затем уже думать о сдаче мяса — нелегкая работа.

Промысловики расходились с собрания веселыми: скоро опять в родную тайгу на долгие месяцы!

Караван уже готов к отплытию. Большая лодка-неводник нагружена ящиками и мешками — запасом продовольствия промысловикам на зиму.

С некоторыми из охотников я уже знаком, знаю их по фамилиям. Евгений Анямов, Герасим Номин, Василий Дунаев, Петр Дунаев... Отправляться в тайгу должно больше охотников, но остальные манси пока на сенокосе. Запоздавшие приплывут на Тапсуу на своих лодках.

Среди отплывающей мансийской компании особенно выделяется Евгений Анямов, которого все называют кратко — Евдя. Высокий, плотный молодой манси. Таежный крепыш. Одет в гимнастерку и брюки защитного цвета. На голове — военная фуражка.

Нрав у него спокойный. С каждым человеком сразу находит общий язык и с первых же минут располагает к себе собеседника. Живет с семьей постоянно в тайге, в избе на берегу Тапсуа, почти в

трехстах километрах от Няксимволя. Каждую весну вместе с семьей выезжает оттуда. Вот и сейчас в Няксимволе с ним старушка-мать, жена и двое детей. Он держит себя независимо, устроился с семейством в палатке на береговой еловой опушке. Манси в шутку называют его становище Евдяпауль.

Интересен и другой манси — Герасим Номин. Низкого роста, худощавый седой старик. Большой говорун, особенно когда навеселе. Этот человек с совершенно белыми густыми и длинными волосами вызывает почтение.

У других манси тоже семьи. Они располагаются в отдельных лодках, как и семейство Евди. «Холостяками» едут только старик Герасим и его друг Василий Дунаев — долговязый черноволосый манси, всегда с добродушной улыбкой. У каждого охотника с собой по две лодки: одна крохотная, называемая колданкой — ее можно нести под мышкой, другая большая. Все это цепляется на буксир к громадной лодке-неводнику, загруженной продуктами и охотничьим промысловым снаряжением: ружьями, капканами, порохом, дробью. Неводник же поведет на буксире моторка с установленным на ней стационарным двигателем.

На этот раз моим помощником едет Паша Посохин. Я помнил его забавные песни в тайге и всегда жизнерадостную улыбку — то, что никогда нелишне в путешествии. Я не забыл его смешную особенность братья за все, что он не умеет. И, конечно, я был в восторге от его смелости: пробежать босиком по снегу — пожалуйста, нырнуть в осеннюю реку — извольте!

Бывает благодатная пора осенью — сухо, тепло, солнечно. В такой день мы и отплывали от села. Причудливые облака, вытянутые толстыми канатами по всему небу, как будто указывали нам путь на Тапсуу.

На берегу многолюдно. Жители села провожают караван. Помахивают рукой Владимир Кирсантьевич и Саша Папу-

Осень на Тапсуе

ев. Охотовед догонит нас: он задерживается на некоторое время.

Медленно удалялся Няксимволь, расположенный красивой дугой на высоком берегу. Кое-где на прибрежных лугах стояли купола стогов. Возле них работали люди — это те охотники, которые отправятся в тайгу позже. Душистое просушенное сено они переносили на сдвоенные лодки. Два, три, четыре плавучих стога проскочили мимо нашего каравана...

Через час за поворотом Северной Сосьвы показались крыши домов знакомого сельца Нёрохи. От него до Усть-Тапсуя километров двадцать пять. Река Тапсуй впадает в Сосьву возле одноименного поселка. А далее, если идти против течения на протяжении трехсот километров, течет среди хмурой тайги и болот.

В верховьях реки сосредоточены избышки нашей бригады охотников.

Странной показалась поначалу река Тапсуй. Вода в ней темная, будто чай. В низовьях она производит невыгодное впечатление: низкие берега с зарослями ивняка, чахлый лес, болота почти вплотную подходят к реке. Ни дичи на берегах, ни всплеска рыбы в реке.

К вечеру мы причалили к высокому берегу над глубокой ямой. Крутой спуск в зарослях шиповника. На кустах рдеют спелые ягоды. Над ними тянется маленькая еловая роща с двумя—тремя деревьями-великанами.

Ночлег устроили в самой гуще лесной опушки. Перед большим костром-подъей. Без палаток.

Охотовед Папуев: где-то затаился рябчик...

Перед сумерками послышался далекий гул лодочного мотора. Старик Герасим прислушался:

— Папуев едет! Догнал...

И верно: Саша прибыл в наш лагерь спустя минут десять вместе со своим четвероногим спутником — псом Черным. Привез радиоприемник «Спидолу». Тихий лес огласился музыкой. Все манси собрались возле нашего костра.

В этот вечер я убедился — любят Папуева охотники. За спокойный нрав, скромность, доброту, честность. Просто за то, что он — хороший человек. Они доверяют ему при сдаче пушнины, верят, что достойно оценит каждую шкурку, толком объяснит, почему одна тянет на стопроцентную плату, другая — бракованная. Папуев — желанный гость в каждой таежной избе.

А меня с ним связывает многолетняя дружба и совместные походы по тайге на оленях и лодках. Десятки поездок на глухие притоки Северной Сосьвы. Сотни вечеров возле костра. Нам с Папуевым есть что вспомнить.

ЗНАКОМИМСЯ

С

ЕВДЕЙ

РАНО утром кто-то включил висящую на суку дерева «Спидолу». По лесному утреннему затишью резануло звонкой джазовой музыкой, и мы все разом проснулись. Оказывается, это Евдя решил пошутить над нами.

— Кончай ночевать! Не на курорт приехали!

— Ведь темно еще! — раздался голос

моего помощника Павла, зарывшегося с головой в спальный мешок.

— Впереди дорога длинная...

Евдя постоял возле «Спидолы», искал передачу на разных волнах. Ворвался разговор по радию.

— Послушаем, послушаем! Это Березово с Няксимволем говорит, — остановил Евдю Саша.

Какой-то торговый работник передавал «важное сообщение» в Няксимволь: «У вас там, я слышал, сухой закон. Отгрузили мы вам немного виновощих изделий. В Сосьвинском догрузили еще. Как поняли!? Прием».

Когда умолк смех, Евдя с укоризной заметил:

— Опять спиртыгу везут, а радиоприемники для охотников — забывают... В лесу-то в палатке или избушке ведь как хорошо послушать музыку, последние известия!

Это верно. Бывает такое в северных селах — нужную мелочь не сыщешь, а спиртное завозится всегда в достатке. У снабженцев нередко чисто коммерческий подход к выполнению плана.

— Чего ваше начальство об этом не беспокоится, — нажимает Евдя на охотведа. — Продуктами обеспечивает — ничего не скажешь. А спиртного зачем столько завозят? Привезли бы побольше приемников. Или фонарики круглые — как нужны!

— Зачем они тебе? — Папуев знает зачем, но нарочно подзадоривает Евдю.

— А вот, к примеру, собака ночью загонит соболя на дерево, подойдешь — смотришь, смотришь: где он? А этим фонариком сделал узкий луч — и осветил зверька. Стреляй!

— Правильно! С фонариком охотиться ночью можно, — подтверждает старик Герасим.

— А то ведь, чтобы не упустить зверька, разводишь под деревом костер, да и не спишь всю ночь, караулишь соболя до рассвета, чтобы не ушел.

Северные таежные охотники дают стране «мягкое золото», что значительно дороже ничтожного электрического фонарика и малогабаритного радиоприемника. Для охотника транзисторный приемник — ежедневная говорящая газета, это открытый мир для человека в лесу. Он находится в таежной глуши, а связан со своей страной, в курсе всей ее жизни. И человек не одинок! Ему живется лучше, веселее и он охотится плодотворнее.

Выглянуло из-за леса солнце, позолотило деревья. Заголубело над нами небо. Все мы радуемся хорошему утру и предстоящей дороге.

К нашему каравану прибавилась вместительная лодка Папуева с подвесным мотором «Москва». Мы с Павлом перебираемся к Саше.

— Мне тоже с вами хотелось бы, ребята! — говорит Евдя.

— Садись! — спешу раньше всех ответить я: этот манси мне симпатичен, хочется ближе познакомиться с ним, поговорить, он лучше других владеет русским.

Сегодня Тапсуй мне больше нравится. К берегам стали чаще выбегать сосновые боры, кедрачи и ельники. Оттуда доносится пьянящий запах прелого листа.

Случается так в предзимье — в ясные погожие дни радуется короткому теплу все живое в лесах: и звери, и птицы. Громким голосом оглашают кедровики наше появление на реке.

Евдя внимательно всматривается в кроны деревьев, надеясь увидеть шишки. Но шишек на кедрах нет. Кивнув в сторону кричащих птиц, он говорит:

— Сам-то какой, — показывает полпальца, — а нос-то вот какой, — вытягивает палец целиком. — Шишки на чисто сшибает!

Как и следовало ожидать, Евдя оказался интересным собеседником.

На одном из поворотов реки на берегу замаячила приметная группа сосен.

— Два года назад тут медведя убили... И Евдя рассказывает. Мимо этих сосен

проплывала лодка с рыбаками, среди которых находился четырнадцатилетний парнишка. Рыбаки заметили на берегу двух играющих медвежат и залюбовались лесной идиллией. Но вдруг послышался устрашающий рев, и из кустов выбежала медведица. Медвежата пустились наутек и через секунду-другую были на одной из сосен. Разъяренная мать бросилась в воду и устремилась вплавь к рыбацкой лодке. Взрослые перепугались. Не растерялся только парнишка: он схватил чье-то ружье, успел зарядить его картечью и выстрелил в голову медведице, когда та была уже у самой лодки. Он спас себя и взрослых от гибели.

Мы с Павлом покосились на сосны, словно ожидая повторения страшного случая. Но на сей раз медвежата не играли на берегу. На многие километры растянулся однообразный речной ландшафт. Глазом не к чему приковаться. В такие минуты мы чаще беседуем.

Разговор как-то невольно склонился к биографическим справкам. Спрашиваю Евдю:

— Где научился говорить по-русски?

— В школе. В Ивделе жил маленько...

Жизнь этого молодого манси несложная. Родился на Пельме. Детство провел на этой уральской таежной реке. У Евди было семь братьев и сестер. Все умерли, остался только он. Его отец пошел как-то в город Ивдель, заболел там, попал в больницу и умер.

— Я ходил к нему на могилку-то, — рассказывает Евдя. — Тогда и остался в Ивделе...

Это единственный город, который знает Евдя.

— Можно было там жить, да без охоты-то скучно стало...

И уехал Евдя снова в таежную глухомань, туда, где покоились кости его предков — на речку Сёлтыт. Там, недалеко от дедовской избушки, уже подгнившей и развалившейся, он с помощью няксимвольского промохотхозяйства построил себе добротную избу. И зажил

Илья Алексеевич Анямов — старейший охотник и оленевод из Няксимволя.

этаким «князьком» — вся природа к его услугам: звери, дичь, рыба, грибы, ягоды... Стал одним из лучших охотников-промысловиков.

Наш разговор прерывается появлением на берегу глухаря и копалухи, которые, взлетев, садятся на первом же дереве.

Я кричу Евде с Папуевым, взявшим ружья:

— Умоляю! Не стреляйте!

Глухарь и копалуха, видимо молодые, не пуганы: глухарка квохчет, а самец сидит неподвижно, вытянув шею. Евдя смотрит с улыбкой на мою поспешную возню с киноаппаратом.

— Не торопись! — Они в кино-то любят сниматься. Быстро не улетят.

Тапсуй сегодня радуется частыми сосновыми борами и веселыми березовыми рощами. На берегах без конца полыхает златокудрий хоровод белоствольных красавиц.

Я с интересом присматриваюсь к нашему спутнику. Нравится мне этот мансийский крепыш с веселою душой, с постоянной хитринкой в глазах, я бы сказал, с «улыбкой» в глазах.

Гляжу на Евдю и на память мне приходят стихи мансийского поэта Ювана Шесталова.

В нас быстрота от резвых щук,
От них порыв и пыл.
А наш осетр, наш добрый друг,
Нас к важности склонил.

В нас нежность сосьвинских сельдей,
Напористость язя,
Живучесть с отроческих дней
У нас от карася.

Глаза тайменей молодых
Прекрасны, как цветки.
Мы детям подарили их —
Сынам моей тайги.

Прыть хариуса-молодца
Нам по душе пришлась.
И от налима-хитрица
Есть кое-что у нас.

Приближались к месту, которое Евдя назвал Тапсватпаулем. Я ищу глазами деревушку на берегу, но, кроме одной крохотной избенки, ничего не вижу.

— А где же деревня?

Евдя смеется:

— Тут ее никогда и не было! В нашей тайге одна изба тоже зовется пауль. Это — Тапсватпауль, моя — Селтытпауль.

Причаливаем. Выходим на берег. Рядом с избой горит костер, обгороженный со всех сторон бревенчатым срубом — должно быть, защитой от ветра. У костра сидит старик с пышной седой шевелюрой и мешает варено в котле. В стороне рубит дрова молодой парень.

— Здорово, Устин! — протянул ему руку Папуев и, обращаясь ко мне, сказал: — Это наш охотник Анемгуров и его отец.

Старик у костра при виде охотоведа заулыбался и замотал головой:

— Сашка! Пася, пася...

— Хорошо приехали, к обеду, — сказал Устин.

Он сходил в избушку, вынес оттуда крохотный стол на коротеньких ножках и расставил на нем миски с кружками. В мисках дымилось горячее лосиное мясо.

— Спать, наверное, скоро будем: солнышко-то к земле клонит, — говорит Евдя.

— Плыть да плыть еще можно, — посмотрел на небо Саша.

Подумав немного, он добавил:

— Знаешь, что, Евдя, я сейчас поплыву вперед, на Ворью загляну к Николаю первому. А ты оставайся, жди караван. Завтра к вечеру ожидайте меня на устье Вории.

— Емас, — согласился Евдя.

— Хотите прогуляться со мной на Ворью? — предложил мне Саша. — Надо повидаться с одним охотником.

— С удовольствием!

— Пльвем! — сказал Папуев, усаживаясь на мотор. — До ночи будем в Ворьяпауле.

(Продолжение в следующем номере).

Фото автора.

ВОИН и исследователь СЕВЕРА

Г. Тимофеев

ПЛАТОН Ильич Лопарев вошел в историю нашего края как умелый организатор и руководитель партизанского движения на Обском Севере, как герой, память которого увековечена в отлитом из бронзы памятнике в Ханты-Мансийске — в сквере на пересечении улиц Коминтерна и Комсомольской, в названиях улиц наших городов и поселков.

О подвигах партизанского отряда, которым руководил П. И. Лопарев, его участии в восстановлении Советской власти на Обском Севере написана статья первым организатором народного образования в Березовском крае, бывшим председателем Ханты-Мансийского окрисполкома, а позднее — директором окружного музея Аркадием Николаевичем Лоскутовым. О славных делах нашего земляка в годы гражданской войны рассказал и Иона Доронин в своей книге, посвященной этим событиям.

Военная судьба П. И. Лопарева была связана с судьбами виднейших людей, которые находились в начале 1920-х годов у истоков Советской власти: В. М. Пестерникова, Ф. П. Доронина, А. П. Лепехина, К. Г. Желтовского (последний работал в те годы председателем Тюменского областного Совета).

Жизнь П. И. Лопарева велением времени была разломлена на суровые годы первой мировой войны, революции, гражданской войны и годы восстановления народного хозяйства, налаживания охраны и воспроизводства рыбных запасов Обь-Иртышского бассейна, прикладных научных исследований.

Довольно трудной была деятельность П. И. Лопарева по организации научной работы. В 1920-х годах он возглавил Обско-Тазовскую научную рыбохозяйственную станцию. В содружестве с работниками своего учреждения Юдановым, Судаковым, Демидовым, П. И. Лопарев заложил начало рыбохозяйственной науки в нашем крае. Большую помощь в научных изысканиях этой группе исследователей оказал профессор — биолог Василий Николаевич Скалон.

Под руководством П. И. Лопарева были произведены многие научные опыты по сохранению и искусственному воспроизводству муксуна, нельмы, сырка. Результаты экспериментов — итог многолетних изысканий Лопарева в соавторстве с научными сотрудниками М. А. Судаковым и Ю. Н. Юдановым — в 1935 году были опубликованы в книге «О рыбном садовом хозяйстве Обь-Иртышского Севера». (Издательство ВНИОР. Ханты-Мансийск, 1935). Согласно научной концепции, изложенной в этой книге, природные условия Обского бассейна вместе с низовьем Иртышской акватории могли в то время производить на 1 га водной площади до 25 кг рыбной продукции в год.

Ихтиологические и гидробиологические исследования, проведенные под руководством П. И. Лопарева, впервые давали представление об ихтиофауне, гидрологии, планктоне и бентосе в северной части Обской губы. Надо отметить, что наука до революции имела в этой

области крайне скудные данные. Эти исследования научной лаборатории П. И. Лопарева легли в основу науки о рыбозаповедении и сохранении рыбных запасов в нашем крае.

Научная концепция, сформулированная в работах П. И. Лопарева, предполагала разведение в наших водоемах двадцати двух наименований особей рыб на площади в 25 млн. гектаров, включающей Тазовскую, Гыданскую и северную часть Обской губы. В 1930-х годах вылов рыбы на Обском Севере в пределах Тюменской области составлял 252 тыс. центнеров в год.

П. И. Лопарев как борец со злом, насилием и угнетением народов, талантливый, организатор и исследователь, безвинно расстрелянный в 1938 году, останется навсегда в памяти земляков.

П. И. ЛОПАРЕВ

Автобиография

РОДИЛСЯ в с. Самаровском Остяко-Вогульского округа Омской области в 1889 году. Родители — старожилы, крестьяне-бедняки, рыбаки. Отец умер в 1893 году, воспитывала мать, затем дядя.

Под судом и следствием ни до революции, ни после не был.

В 1919 г. — организатор, командир и член военсовета красных партизан Обского Севера до мая 1920 года.

В 1921 году — начальник секретного оперативного отдела Тобольской армии по подавлению так называемого Ишимского кулацко-эсеровского восстания и затем командир северного экспедиционного добровольного отряда на Обском Севере (февраль 1921 — август 1921 г.). У белых, Колчака не служил, скрывался в тайге.

Семья: жена, сын шестнадцати лет, дочь пятнадцати лет и две старухи — (матери) убитых товарищей партизан. Жена — красный партизан, член ВКП(б) с 1920 г., оканчивает Пермский медицинский институт в начале 1937 г. До революции — крестьянка-середнячка с. Демьянского Омской области Тобольского округа.

Избирательных прав лишился брат Петр Лопарев за службу урядником в течение трех с половиной месяцев; за революционные заслуги до революции и после восстановлен в правах. Служил он урядником в с. Елизаровском, лишился (лишился избирательных прав. — Ред.) в Самаровском в 28 г. Родственников за границей нет.

Образование: окончил Самаровскую двухклассную сельскую школу в 1905 г., Тобольское городское училище в 1907 г., Омское механико-техническое училище в 1910 г. Получил звание техника-механика. В Омском политехникуме прослушал трехмесячные курсы инструкторов кооперации в 1918 г.

Трудовая деятельность и участие в общественной работе.

Работа в семье началась с восьми лет. С 10 лет начал уже самостоятельную работу — охотпромысел, рыбную ловлю.

Служить начал по окончании технического училища мастером-техником и преподавателем технологии материалов в с. Абатском Ишимского района Омской области (1910—1911 г.г.) и затем в с. Самаровском (1911—1915 г.г.) в ремесленных школах Министерства народного просвещения, уход из Абатского был связан с прижимом за связь со ссыльными (политическими).

1915—1917 г.г. мобилизован на империалистическую; служил в пехоте в

35-м Сибирском строительном батальоне (Тюмень), затем в 21-м железнодорожном батальоне на Западном, Северном (Мурманск) и Кавказском фронтах. С Кубани сбежал из части до начала демобилизации здесь армии (25 декабря 1917 г.).

С марта 1918 г. на родине — участие в революционной работе, в июне — участник III окружного крестьянского съезда в Тобольске и его председатель. С этого съезда перешел работать в кооперацию в Северосоюз... в должности инструктора, в которой и работал с перерывами (ввиду гражданской войны. — Ред.) до апреля 1923 г. За этот период мною организована вся северная кооперативная сеть, ликвидирована кредитная система и влита в потребительскую. Из кооперации ушел — устал от бесконечных разъездов по Северу. До июня 1924 г. охотился, изучал рыбное хозяйство и балычное дело.

С 1924 по 1926 г. — старший инспектор по Северу облконторы Внешторга. Ушел оттуда за выбором меня в правление Окрохотрыбаксоюза, в котором и работал членом правления и заведующим организационным и промотделами до слияния в интегральную систему (1928 г. — переизбирался 2 раза). В Интегралсоюзе — старший консультант промотдела (охота, рыба, олеводство и т. д.) до августа 1928 г. Отсюда отпущен на давно намеченную работу, начатую еще с 1910 г. — звероводство, на стройку лисьей фермы под Тобольском в с. Ивановском. Последняя должность — управляющий зверофермой и производитель работ (полтора года). Ушел за беспартийностью и спорами со звероводами о единоначалии (6 мая 1930 г.) 7 мая 1930 г. поступил в Обьтрест начальником научной секции по изучению внутренних водоемов Уралобласти. 7 мая 1931 г. переведен директором Обь-Тазовской научной рыбохозяйственной станции ВНИРО, где работаю по настоящее время.

Общественная работа очень обширна. В одном Самаровском моей инициативой построены четыре нардома (новые, после пожаров и занятия др. учреждениями). Значительный стаж краеведческой работы. Имею находки ископаемых, водной плесени и т. д. Участник союзного краеведческого съезда (1926 г.). Три созыва депутат Тобольского горсовета и т. д.

По работе имею грамоты, премирования, взысканий и выговоров не получал. За революционные заслуги много раз представлялся к ордену «Красное знамя» — не получил за истечением срока. Имею сведения о приказе РВС (Реввоенсовета. — Ред.) от 1928 года о награждении именными часами. На севере существует колхоз имени партизана Лопарева (д. Лорбат Остяко-Вогульского округа).

Участие в революционном движении и партпринадлежность.

Репрессиям за революционную деятельность не подвергался, в революционных организациях и кружках до Октябрьской революции не состоял. В Февральскую революцию — член ротного комитета на Мурманской желдороге... В гражданскую войну партизанил на Тобольском Севере — ликвидировал белых, колчаковцев и чеховцев (1919—1920 г.г.).

Кандидатом ВКП(б) принят парторганизацией Обьгосрыбтреста 1 января 1931 г., был рекомендован местными старожилками-партийцами. В других партиях не состоял, в ВКП(б) тоже, в оппозициях и антиправительственных группировках не состоял. Недостаточно вооруженный политграмотностью, просмотрел троцкистско-зиновьевскую группу в Обьтресте. С отдельными проявлениями уклонов у отдельных товарищей считаю, что боролся.

Подтвердить правильность моих сообщений могут очень многие товарищи, т. к. я живу почти всю жизнь на Севере и долго в Тобольске. Подтвердят и С. А. Веселовский, В. М. Пестерников, К. Г. Желтовский (пред. облгорсовета) и многие другие.

31 октября 1936 г., г. Тобольск.

Материал подготовлен к публикации сотрудниками государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа.

ЖУРНАЛИСТ — краевед

Н. И. ЕЗДАКОВ

В ЛЮБОМ городе и районе среди журналистов непременно найдется хотя бы один интересующийся местной историей, это почти закономерность. Из газетчиков этого «краеведческого», направления в нашем округе заметно выделялся сургутянин Николай Иванович Ездаков. Круг его интересов отличался большой широтой. Был, к примеру, период протяженностью в несколько лет, когда он дотошно разбирался в истории сургутской нефтеразведки. Результат этого труда, наверное, до сих пор еще помнится многим—интересные

очерки о геофизике В. П. Федорове, геологе Р. Ф. Гуголе, рабочем К. Ф. Ивачеве и еще многих. Интересовало его и донефтяное прошлое Сургута, и история ссылки, и более глубокая старина.

Трудно сейчас найти этому конкретные объяснения, можно только проследить, как Николай Иванович от внимательного изучения работ о Сургуте конца XIX—начала XX века С. П. Швецова, Л. П. Роцевской, И. Я. Неклепаева вдруг переносился мысленно в глубь сибирской истории, погружаясь в труды Миллера и

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

ХАРАКТЕР той обширной переписки, которую вел Н. И. Ездаков, может быть проиллюстрирован двумя письмами, полученными им в один день 29 ноября 1976 года из г. Николаева от Наталии Евгеньевны Башмаковой — вдовы одного из активных участников событий 1921 года на Обском Севере Х. Г. Башмакова.

Письма интересны не только содержащимися в них неизвестными фактами, дополнительными биографическими штрихами, но и тем, что в них запечатлен особый взгляд на жизнь и дела мужа в 20—30-е годы — время, когда непреложным требованием к каждому гражданину страны было требование жить не личными заботами, а общественными, не настоящим, а будущим.

Небеспристрастному взгляду близкого человека, который не только, как это принято говорить, делил с другим все тяготы и лишения, но и нес отдельную нелегкую ношу, события, зафиксированные историей, представляются в несколько ином свете, с иной — «тыловой» стороны. И если бы когда-нибудь была издана книга воспоминаний жен, матерей, дочерей; сестер выдающихся деятелей, то через нее мы существенно по-новому увидели бы историческое прошлое. На эту мысль наводят публикуемые ниже письма, предоставленные журналу научными сотрудниками Сургутского филиала областного краеведческого музея.

Буцинского, а от них — далеко вперед, к источникам 20-х годов.

Каждый новый очерк был для Ездакова кропотливым исследованием. Он не робел перед трудоемкостью задач, в поисках одной, казалось бы, не столь и существенной, но нужной ему детали обращался в библиотеки — как государственные, так и личные, в архивы, расспрашивал знающих людей, вел обширную переписку. Однажды для выяснения какой-то даты он перерыл массу церковных метрических книг старого Сургута.

Многие исторические загадки возбуждали его любопытство и подталкивали к новым разысканиям. Так, знакомство с подробным рапортом сургутского уездного исправника Г. А. Пирожникова в Тобольский губернский статистический комитет вылилось в глубокую заинтересованность личностью этого деятеля прошлого. Возникла переписка с его дочерью М. Г. Юминой, укрепившая Ездакова в том мнении, что исправник был интеллигентным человеком и оставил след своих добрых дел в Сургуте.

В одном из писем к Н. И. Ездакову Мария Григорьевна сообщает: «Давно

собиралась вам отправить книжки и вот только сегодня это выполняю. Книжки посылаю безвозвратно в память о папочке. Может быть, что-нибудь полезное для себя вы в них найдете. Бегло просматривала, нахожу их интересными. Все не хватает времени заняться архивом отца, сжигать все жалко. Может быть, еще найдется что-нибудь интересное». В бандероли четыре книги, в том числе «Русско-остяко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов», составленный А. А. Дуниним-Горкавичем и напечатанный в Тобольской типографии епархиального братства в 1910 году./ Как жаль, что подобные книги не печатаются у нас в наше время!/
За эту вот дотошность, без преувеличения можно сказать научную добросовестность, высокую культуру работы, а также и за неторопливость, столь несвойственную журналистам и редакциям, особенно местным, товарищи прозвали его «Академиком».

Писал Николай Иванович действительно строго, не соблазнялся эффектными домыслами, отвергал без колебаний сомнительные версии. От очерка к очерку оттачивалось его литературное мастер-

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

«Б АШМАКОВ Хрисанф Георгиевич родился в 1888 году в селе Базьяны Тюменской области Ханты-Мансийского округа в семье крестьянина-рыбака Георгия Ивановича, который жил более 90 лет и умер в колхозе в 1936 году, не отдыхая дня. Когда окончил сельскую школу Хрисанф Георгиевич, то рыбачил с отцом и строили дом. Семья была большая: пять братьев и две сестры. В живых никого сейчас не осталось. Младший, Михаил, погиб на фронте в 1942 году.

Мне рассказывала мать Хрисанфа Георгиевича, что когда началась гражданская война, то Владимира и Хрисанфа взяли в солдаты, но они сбежали с фронта. В Омске убило Владимира, а Хрисанф Георгиевич добрался до Тобольска; кажется, там вступил в партизанский отряд...».

Далее Наталия Евгеньевна описывает события, происходившие в родном селе после отступления отряда, с которым Х. Г. Башмаков двигался от Тобольска на север, сообщает биографические данные.

«...те коммунисты, что остались в Базьянах, погибли. Белая банда делала обыск, находили партийные билеты и брали их (коммунистов. — Ред.), привязывали к саням, разгоняли лошадей, в лесу бросали трупы. Моего дядю — мамы брата Федора Федоровича Башмакова мама нашла по одежде в лесу. Он остался дома — четверо

ство. Работы его почти всегда, за исключением, может быть, редких неудач, имели облик классически строгий и законченный. Потому я и называю его журналистом-краеведом, что все им опубликованное благодаря упомянутым выше качествам имеет убеждающую силу документа.

Характерной чертой журналистских экскурсов Н. И. Ездакова в сургутскую историю было то, что его внимание привлекали не столько события, сколько люди. Здесь, несомненно, ярко проявилась одна замечательная сторона личности автора — дар общения. Для него общение было особым родом творчества, той роскошью, в которой он никак не мог себе отказать и в которой купался ежедневно с великим удовольствием. Чтобы пройти с ним из одного конца Сургута в другой, требовалось иной раз полдня, потому что Николаю Ивановичу то нужно было поговорить со встречным знакомым, то вдруг куда-то завернуть по пути, то позвонить. У него была огромная масса человеческих контактов, далеко не каждому посильная. Он знал множество земляков, был вхож чуть ли не в каждый дом старого

Сургута, умел ценить людей, замечать в них нечто любопытное, оригинальное, легко вступал в разговор. В канун праздников он рассылал массу поздравительных открыток, а по существу писем, написанных четким убористым почерком. Надо сказать, эпистолярным жанром он владел блестяще и считал недостойным ограничиваться стандартным набором предпраздничных пожеланий, которые называл «заклинаниями». Отсутствие ответных писем тяжело переживал. В летучих заметках Николая Ивановича, помеченных итальянским словом «Діацло» («Дневник»), постоянно мелькают фамилии, имена: «Видел сегодня многих: Ю. А. Плетенева, Н. Ив. Рязанова... Видел Уженцева. Видел Л. Иванову Золотухину. «Приехал Клавдий Панкин. Приехала Маковецкая. Писем опять не было». «Умерли Иван Осипович Рогозкин и Михаил Кузьмич Шишкин. Оба были интереснейшие старики». «Опустил письма Зыряновой + Менцикову».

Можно не сомневаться, что Ездаков хорошо знал «кто есть кто» и выбирал героев своих очерков из достойнейших людей с безупречной репутацией.

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

детей, жена слепая. А учительницу Татьяну Николаевну Тихонравову взяли от троих детей, увели на реку, заставили раздеться и броситься в прорубь — нашли партийный билет у нее.

Не знаю дальше куда отступили после Вороны, или он очищал села от белых бандитов... при каких обстоятельствах он решил отступать за Урал и когда. Отступление было очень тяжелое, мало было надежды, что останутся живы, и не очень надеялся на ненца, который провожал на оленях. Единственное, что его спасло — это карта, по которой он хорошо ориентировался, и немного знал язык ненца, с ним мог говорить. Поездка была ужасная, везли и раненых. Спали даже в снегу. Оленей отпустит ненец покормить, а Хрисанф Георгиевич очень беспокоился, что если не соберет оленей, то погибнут здесь среди снегов.

На Севере он воевал с Волковым. Не знаю в какое время Волков давал деньги, водку ненцам, чтоб нашли его, но они не выдавали. Волков говорил: «Если поймаю Башмакова, то с живого шкуру сам сниму». Но его отряд был разбит, сам он бежал далеко в тундру с оружием и жил в чуме. Но Хрисанф Георгиевич нашел ненца, что его увез, и он проводил его до чума. Хрисанф Георгиевич взял Волкова один вместе с оружием.

После отступления за Урал он вернулся в Сургут и начал устанавливать порядки.

В этом он был чрезвычайно щепетилен. Из-под его пера вышли краткие, но очень насыщенные материалом жизнеописания учителя Знаменского, врача Плетенева, кооператора Щепеткина, рыбака Бокатанова, учителя Золотухиной, многих других сургутян. Очерк был почти единственным его жанром.

Нельзя, конечно, утверждать, что он, при своей возведенной в культ точности, никогда не ошибался. Нет, случались и ошибки, вызывая чувство горечи. Были минуты, когда ошибкой казался и избранный путь. «Видимо, все-таки на скате лет можно (пожалуй, даже допустимо!) испытать разочарование в работе журналиста, — записывает он в «Діабло». — Я многое не могу объяснить себе. Не могу понять черствости людей. Не могу! И все-таки верю в чудиков. Правильно, вероятно, высказалась одна из Наташ фирмы: насчет моей «доверчивости». А, может быть, в этом и лучшее качество души?»

В историческом прошлом — по-видимому, так же, как и в настоящем, — Николая Ивановича привлекали люди яркие, смелые, непохожие на других.

В работе исследователя с документом в какой-то момент наступает состояние, когда прошлое оживает, и люди, о которых сообщают пожелтевшие бумажные листки, обретают вдруг индивидуальности, характеры, становятся симпатичными, несимпатичными, родными, чужими. Тогда — как и в живом общении — появляется множество отвлекающих моментов, неожиданные детали отклоняют движение мысли то в одну сторону, то в другую. Может быть, в такие моменты и наполняется смыслом поиск следов исторической преемственности и осознание связи всего со всем?

Такое истинно человеческое отношение к историческим личностям Н. И. Ездаков ощутил в себе, когда стал разрабатывать тему мятежа 1921 года. В Сургуте прямых участников тех событий к тому времени уже не было, но с помощью местных краеведов ему удалось найти их в других городах. Завязалась переписка с бывшим уездным комиссаром М. В. Хорохориным, участником освобождения Сургута от мятежников А. К. Вейсом, братом расстрелянного повстанцами одного из первых комсомольцев Сургута Ивана Кайдалова Александром

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

В Сургуте была его первая жена с детьми. В 1922 году она родила сына и вскоре умерла. Хрисанф Георгиевич с детьми вынужден был выехать к родителям в Базьяны. Здесь он начал работать в интегральной кооперации. Председателем правления Базьяновского интегрального кооператива, работал до 1928 года. Организовал районные кооперативы. В 1928 году он был переброшен на работу в Тюмень на должность заведующего базой. В 30-е годы Тюменская база была ликвидирована. Хрисанф Георгиевич был отозван в г. Тобольск на должность члена правления.

В 1931 году Тобольский округ был ликвидирован, хозяйственные кооперативные организации были переброшены во вновь организуемые национальные округа, и Хрисанф Георгиевич постановлением Тобольского окружного комитета партии был кооптирован в состав оргбюро Ямальского окружного интегрального союза. В должности заместителя председателя правления Ямалсоюза до 1934 года работал, не покладая рук, вместе с рабочими грузил лес, продукты, организовывал колхозы, по трое суток не приходил домой, а приходил весь мокрый, простужен. Сам возил рыбакам хлеб, а если буря и их нет, он всю ночь ходил, страдал, боялся за их гибель. Ездил в чумы, привозил ненцев, старался устроить на работу. Мыл их в бане, чтобы одеть белье, детей привозил, устраивал в школу, в общежитие, и даже учили музыке. Но каких

Матвеевичем Кайдаловым, племянницей погибшего в бою под Нижневартовском секретаря Сургутской партийной организации А. П. Зырянова Лорой Николаевной Зыряновой и многими другими, кто мог сообщить какую-либо точную деталь. Так, от старого сургутянина П. П. Пugno он получил сведения о семье Казарцевых, активных участников событий 1921 года.

«Вся семья Казарцевых, — пишет Проконий Прокопьевич, — запомнилась как дружная, хорошая семья. Я хорошо помню тетку Анну — мать Николая, братьев Иосифа, Германа и, конечно, Николая и сестру Настю. Иосиф Казарцев был утоплен колчаковцами на Оби против берега, называемого у нас Лукиной — там проходила зимняя дорога в сторону Самарово».

Благодаря своему эпистолярному дару, Ездаков только письмами, не встречаясь с людьми, умел увлечь ветеранов историческим поиском, побудить к воспоминаниям, содействовал их сближению между собой. С некоторыми из них у Николая Ивановича завязывались отнюдь не формально-вежливые, а довольно близкие отношения. Особенно это чувствуется по переписке с А. М. Кайдаловым.

Последний очень близко к сердцу принимал не только всякие поисковые шаги Ездакова, но и его личные оценки, житейские заботы, в которые сургутский корреспондент его подробно посвящал.

Приведу в подтверждение фрагмент одного из писем А. М. Кайдалова к Н. И. Ездакову.

Орехово-Зуево, сентябрь 1977 года.

«Фото Вали и Капы (сестер Коневых, сверстниц А. М. Кайдалова; Валентина — одна из первых комсомолок Сургута. — В. Б.) — хорошие, напрасно Вы хулите их. Как приятно увидеть друзей ранней юности, с которыми было так много общего, особенно с Валею. Она — настоящая, такую я знал и вижу ее в ролях актрисой на сцене народного дома и вместе путешествующими на первой «красной лодке» по Сургутскому уезду. [...]

Вот бы встретиться теперь!? Наверное, было бы такое же осторожное и внимательное сближение, пока не возникли в воображении прежние образы, как это было при моей встрече с Таей Ярковой-Томингас (одна из первых комсомолок Сургута. — В.Б.). Посидев, поговорив и всмотревшись друг в друга, прислушавшись к интонациям голоса и почувство-

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

тудов все это стоило! (...). Он никогда не был спокоен, очень болел за работу, не успевал даже поесть. Часто выезжал в районы. А сколько стоил подбор аппарата в правление! Хотя и приезжали работники, но не каждый согласится жить в этих условиях.

В 1934 году... (Х. Г. Башмаков. — Ред.) был кооптирован на должность директора Тюменской базы Интегралцентра. Но база была ликвидирована, и Хрисанф Георгиевич был зачислен в аппарат Уполнтегралцентра, командирован в 1935 году в город Омск для организации товарной базы.

В 1936 году он чувствовать стал себя хуже, но не обращался к врачам, все было некогда. Пройдет приступ аппендицита, и опять все — идет на работу. А когда пошел в клинику, то... предложили врачи срочно сделать операцию (...). С работы вечером ушел в больницу, на третий день сделали операцию. Когда я пришла к нему в палату, он сразу сказал мне, что операция неудачна...»

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

«**В**ы, Николай Иванович, просили меня написать о себе. Я, Башмакова Наталия Евгеньевна, родилась в 1902 году в селе Базьяны... в семье крестьянина-рыбака. Отец, будучи на рыбалке... в бурю перевернуло с сетями лодку,

вав что-то едва уловимое — воссоздался прежний образ дорогого друга и товарища. Тепло и нежность залили наши сердца в дружеском собеседовании».

Параллельно с перепиской Ездаков ищет документы в областном партийном архиве, Тобольском филиале государственного архива Тюменской области, изучает литературные источники. Видимо, для точного описания финала всей истории, когда за орудийным выстрелом парохода «Алтай» последовало освобождение Сургута, Ездаков находит и внимательно читает работу Б. Д. Головина «История парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне».

Процесс сбора материала для задуманного обширного, очевидно, исследования становится жизненной доминантой, пронизывает повседневность, о чем дают некоторое представление отрывочные записи в «Діаіо».

«Вчера подбирал все, относящееся к Вейсу, в одну папку».

«Позавчера был у Симоновой: цель — мятеж. Знаменский тоже знает очень мало».

«Сидел занимался восстанием по материалам, собранным Показаньевым. [...] Сейчас трудно уточнить и поход «Алтая». А если написать Тетюцкому в Москву, может быть, он что-нибудь помнит?»

Вкус и талант к историческому поиску, исследовательская жадность ярко проявились в натуре Николая Ивановича, но они же, как мне кажется, помешали ему вовремя остановиться в сборе материала, литературно обработать его, переложить на бумагу то, что, по-видимому, стройно вырисовалось уже в его уме, и таким образом завершить большой труд, дело нескольких лет жизни.

Не успел написать, слишком много было отвлекающих факторов. Помимо истории, литературы, политики его интересовали итальянский язык (кажется, еще с того военного года, когда его зенитная батарея стояла на участке фронта, занятого с противоположной стороны итальянцами), цветоводство. В своем дневнике Николай Иванович нередко сетовал по поводу этой разбросанности, тяготился невыполнением намеченного. («День прошел бесполезно. Наметил большой план и не

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

а его поймали рыбаки, но в лодку не могли затащить. Неводные бродни были полны, его привязали к лодке и вели через Иртыш. Была осень, он весь обмерз, его притащили домой. Поболел и вскоре умер, еще до революции.

Тяжелое детство мне пало на долю. Оставшись с матерью и младшей сестрой, все работы пали на меня. Когда я подросла, ловили с матерью переметами рыбу, возили сено, дрова, летом косили, убирали, а ночью пряли с лучиной, вязали сети по найму. Всю тяжесть жизни трудно описать.

Школу я окончила с похвальной грамотой, но продолжать учебу было не на что. Но я не забывала учебу.

В 1922 году, когда с трюми детьми вернулся Хрисанф Георгиевич в Базьяны к родителям, он был выбран председателем правления Базьянского интегрального кооператива. В этот год я вышла за него замуж. Семья была большая. Мальчик, что родился в Сургуте, был слепой. Ездил с ним в город, лечила его, пока не стал видеть в 3,5 года.

Хрисанф Георгиевич часто уезжал в командировки длительные. В семье я работала как вол.

Когда переехали в Тюмень в 1928 году, я продолжала учиться, чтоб сдать

выполнил его». «Сейчас 4 часа ночи. Вчера весь день в беготне. И почти ничего доброго не сделал. [...] Сейчас же садиться за писанину», «Огромное количество незаконченных вещей». «Жалею, что вечер пропал зря».

Конечно, Николай Иванович разбрасывался, но тут он был в согласии со своей натурой и, видимо, ощущал в этом полноту жизни и был по-своему счастлив.

Так уж вышло, что собиратель в нем победил создателя, творца, хотя даром творца он не был обделен. Что тут помешало? Или его кропотливость, дотошность исследователя? Или безотчетная «боязнь результата», т. е. возможного разочарования? Или трудность самореализации в годы, когда не историческая правда была в цене, а победные рапорты? Или житейская неустроенность?

(Тут хочу еще заметить, что для Николая Ивановича, отлично понимавшего, что служение культуре требует терпения и несуетности, никогда не существовало ситуации выбора между его исканиями, требовавшими порой, может быть, и небольших, но для него обременительных затрат, и житейским благополучием.

Был он бесребреником). Или мучавшее в последние годы нездоровье? Однажды он горько заметил в дневнике: «Все-таки ко мне подкралась старость, как ни хорохорься, а это так!»

Жаль, что Н. И. Ездаков, талантливый журналист-краевед, не успел сделать всего, на что был способен. Но след от его яркой и противоречивой жизни остался долгий.

Бывшие сослуживцы и сургутский журналист И. П. Захаров передали в городской музей часть его архива — несколько десятков толстых тетрадей, в которых ровным красивым почерком переписаны адресованные ему письма, документы, фрагменты исторических работ, а то и целые довольно обширные труды, ныне представляющие библиографическую редкость. Будущие исследователи должны быть благодарны Н. И. Ездакову за это.

В памяти многих земляков Николай Иванович остался как человек открытый, прямой, независимый в суждениях и поведении, равнодушный к общественным заботам. В культурной жизни Сургута 60—70-х годов он был заметной фигурой.

«Всю тяжесть жизни трудно описать».

экстерном. В 1930 году родился сын Владислав. Хрисанфа Георгиевича не было, он выехал по чистке, даже не знала куда. В Тюмени жизнь была тяжелая, плохо с продуктами, убийства. Когда вернулся, то вызван был в Тобольск. В Тобольске я осталась. Он выехал в командировку на Север — в Сургут, Березово и другие районы. В 1931 году выехала в Ямало-Ненецкий округ. Условия жизни там были тяжелые. Жили в холодных помещениях, без печки, на улице грязь. Хрисанф Георгиевич все время ездил по районам. Живя в таких тяжелых условиях, я не бросала учебу. (...) По ликвидации Тюменской базы был переведен в Омск. Выхать с ним с детьми я не могла и осталась на зиму. Были сильные морозы, стены завесила, но каждое воскресенье обрубали топором лед.

Так я прожила зиму, а весной выехала к нему в Омск. В Омске я экстерном при педиституте сдала за десятилетку и поступила в институт на биологическое отделение. Когда умер Хрисанф Георгиевич, учиться было невозможно, надо было работать. Я сдала методики при педучилище и была назначена в 31-ю школу г. Омска. Там я проработала 24 года, имею награды: медали «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть», значок отличника народного образования и присвоили звание заслуженной учительницы РСФСР.

Провожали меня учителя, дети и родители со слезами на глазах. Тяжело было уезжать».

В. Короленко

ОГОНЬКИ

КАК-ТО давно, темным осенним вечером, случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг на повороте реки, впереди, под темными горами мелькнул огонек.

Мелькнуло ярко, сильно, совсем близко...

— Ну, слава богу! — сказал я с радостью. — Ближе ночлег!

Гребец повернулся, посмотрел через плечо на огонь и опять апатично налег на весла.

— Далече!

Я не поверил: огонек так и стоял, выступая вперед из неопределенной тьмы. Но гребец был прав: оказалось, действительно далеко.

Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своею близостью. Кажется, вот-вот еще два-три удара веслом — и путь кончен... А между тем — далеко!!

И долго еще мы плыли по темной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня, — все так же близко, и все так же далеко...

Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!..

ПОЭЗИЯ

xxx

*Но что за прелесть зимний лес
сибирский — он из сказки словно:
как будто хоровод невест
вдруг закружился, право слово!
На всех прозрачные обновы.
Счастливым смех звучит окрест.
Могучий кедр, как добрый дед,
красиво, по кавказски, сед.
На ветках иней, снег на лапах.
И пни серьезные в папахах.
Вот зверя неторопкий след.
Девичий снежно-хвойный запах...
И мысли, светлые, как иней...
Неужто все это покинем?*

xxx

*Предвесенняя свежая синь.
Этот цвет, словно в радуге, ярок.
Фиолетова россыпь осин...
Этот день голубой — как подарок!
Вдруг вдали показались дымы.
Не эскадры дымят под Пусимой, —
что-то снова прошляпили мы:
факела день и ночь негасимы.
Меркнет неба сибирского синь
в серебристо-графитовом смоге.
И белеют скелеты осин
вдоль бетонной дороги...
А на сердце ложится печаль —
словно слышу щемящий и знобкий,
как тревожащий русскую жаль,
плач души — про мánчжурские сопки...*

xxx

Октябрь... А навигация на Вахе
в разгаре: катера вовсю спуют...
Но хмурый день в мерлушковой папаше
отары туч пастись угнал на юг, —

И вызвездило в ночь, пока мы спали
коротким, но, как в детстве, сладким сном,
а утром — словно бы попали в Палех,
где черный лак в контрасте с серебром,
где отраженный мир озвучен резче —
сквозь черноту просвечивает суть...
И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу...

xxx

Вах разошелся!.. Но, кажется, днями
Он остановится... жаль...
Плетья березки в воде приподняли,
Пробуют: «Не холодна ль?..»

Вах затопил все сора и дороги,
полнится полкой водой.
«Ах, убежать бы, да белые ноги
держит, видать, водяной...»

Лодочных весел короткие взмахи.
Глуби слились с высотой...
Так бы и плыть мне по Ваху и ахать,
вешней дивясь красотой...

xxx

Жаркий полдень... Скулящий кутенок...
Рожь белесая выше меня...
Где-то рядом трусит жеребенок,
колокольчиком школьным
звоня...
Это едет угрюмый объездчик
с сыромятным
кнутом
у луки...
И от страха сердчишко трепещет,
под рубахой
шуршат
колоски...

xxx

Я в детстве пас корову.
 Раз на исходе дня
 какой-то нездоровый
 вдруг сон сморил меня...
 Когда очнулся,
 Зорька
 шершавым языком
 меня лизала... Горький
 в голодном горле ком
 вдруг встал — и я от этой...
 от ласки... заскулил:
 и то, что папки нету...
 и то, что нету сил
 у мамки — чтоб погладить
 иль подзатыльник дать...
 А Зорька влажным взглядом
 глядит — совсем как мать...

xxx

Простую истину одну
 я понял пацаном в войну:
 «хлеб», «спички», «соль» и «мыло» —
 основой жизни было.
 А жизнь тогда была крута.
 Но ведь была и «доброта»...
 Да! Доброта и Милость! —
 вот жизнь и сохранилась.
 ...Сейчас все это вновь в цене.
 А Милость с Добротой — вдвойне...

xxx

У голубики цвет иль свет —
 когда она под осень спеет?
 Весь голубичник голубеет,
 как долгий северный рассвет.
 В себя вобрав голубизну
 тумана, сумерек,
 тревогу
 берет у сирых и убогих,
 когда, вздохнув,
 они уснут —
 не от того ль тот дивный цвет
 щемит мне сердце с малых лет?..

xxx

МАНСИЙСКАЯ

А. Конькова

СКАЗКА

СЛОПЦЫ — ловушки, на боровую дичь манси поднимали и настораживали только в начале августа: ждали, когда подрастет молодняк.

У нас к этому времени были слопцы подняты, и мы с бабушкой Околь чуть свет отправились проверять их. Мы шли по большому светлому евринскому бору, по широкой, до песка выбитой пелымской дороге. По краю дороги высились до полнеба золотоствольные сосны, осыпанные изумрудными шишками. Яркие лучи солнца будто играли с нами в прятки. Они то прятались за могучими стволами деревьев, то в редколесье выплескивались на дорогу, на ней ярко вспыхивали, «поджигали» крупный песок, и тогда вся дорога искрилась звездочками.

ГЛУХАРЬ ВЕЛИЧИНОЙ С ОЛЕНЯ

Мы подошли к шалашу, покрытому берестой, и бабушка радостно сказала:

— Ну, вот, и солнечный шалаш.

Я удивилась такому названию и спросила:

— Бабушка, а почему шалаш назвали солнечным?

— Видишь, — повела она рукой, — сколько тропок? Они, как солнечные лучи, от шалаша расходятся в разные стороны бора. Откуда бы ни шли охотники, всегда сходятся здесь отдохнуть, а застанет дождь их, переждут в шалаше. По обе стороны бора большие болота, а на них есть маленькие возвышенности — крошечные борочки — боринки, — объяснила бабушка Околь. — У каждого охотника своя боринка, где поставлены слопцы, и своя к ней тропинка по болоту. Вот и мы сейчас пойдем мною протоптанной тропинкой к нашей боринке, — закончила бабушка.

Об авторе. Картина — Конькова Анна Митрофановна родилась в 1916 г. в деревне Евра Кондинского района (тогда — Пелымской волости Туринского уезда). Окончила туземную семилетнюю школу, затем Остяко-Вогульское (ныне Ханты-Мансийское) педагогическое училище, после чего много лет работала в школах, интернатах, детских садах округа. В 1968 году, после выхода на пенсию, стала писать сказки, сотрудничала с редакциями местных газет. В 1982 г. в Свердловске издан роман-сказание «И лун медлительных поток...», написанный ею в соавторстве с писателем Г. К. Сазоновым. В 1990 г. роман переиздан. Член Союза писателей РСФСР.

Совсем скоро мы с ней свернули с большой дороги на темную тропочку в густом перховнике-мелколесье.

Бабушка, повернувшись ко мне, заговорила:

— Аннэ, побереги глаза, отводи ветки деревьев руками. Да иди поодаль от меня: вдруг я не приноровлюсь к тебе и отпущу ветку, она больно хлестнет тебя.

Мы прошли мелколесье, пошли по болоту, ноги тонули, запинались о кочки. Идти было трудно, и как-то совсем неожиданно мы вышли на клочок твердой земли к своим ловушкам. Бабушка увидела спущенные слопцы и радостно воскликнула:

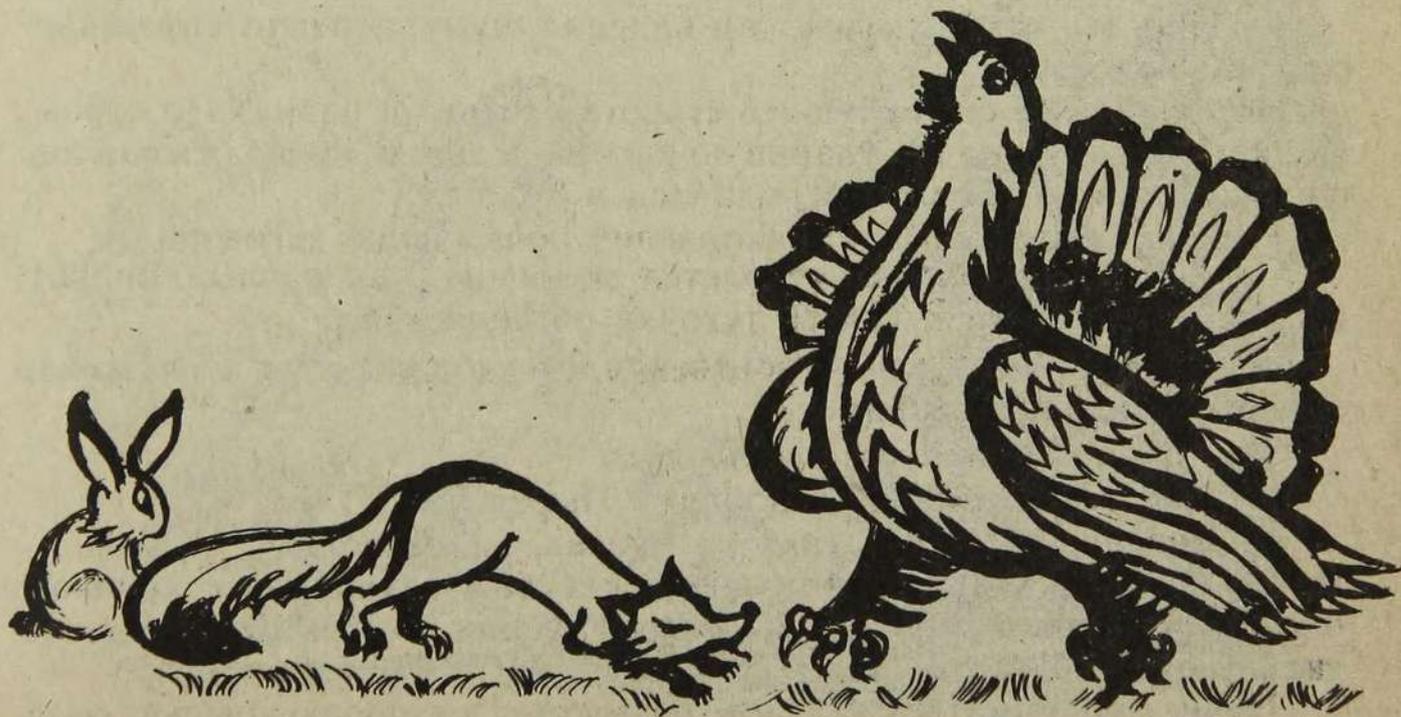
— О-о-о!!! Видать, мы с тобой сегодня будем с добычей.

Она быстро подняла ловушки, выбрала дичь; я из них вымела мусор, поднесла крупный с гальками песок, ссыпала его у слопцов.

Бабушка, закончив со слопцами, к своему «нып» — приспособление для переноски груза — пришнуровала три копалухи-глухарки, а к моему нып пришнуровала две полюшки-тетерки, и мы повернули обратно.

Мы подошли к солнечному шалашу, расшнуровали ныпы, выбрали дичь и повесили ее на сучки деревьев, чтобы, пока мы отдыхаем, ее обдуло ветерком; до дому еще долго идти, туго пришнурованная к нып дичь быстро теряет свою свежесть.

Мы уже развели костерок-дымокур от комаров, я из шалаша вынесла мешочек с хлебом и туесок с чаем и, присев у костерка, принялись есть.

Скоро стали подходить другие охотники. Они тихо от большой усталости бросали нам «пася» — здравствуйте, и тоже принялись разбирать свои тяжелые ноши и развешивать дичь.

Еще не все управились с ношами, как вдруг недалеко от нас послышался треск со звоном ломающихся сухих сучьев.

Старик Пыртя вскочил на ноги, выхватив трубку изо рта и насто-рожившись, весь подался в сторону ломающихся сучьев и поднял руку:

— Ате, ты сиркым, сиркым — да ведь это глухарь, глухарь!! — он радостно проговорил. Пыртя еще что-то хотел сказать, и из леса показался большой глухарь. Он не развил скорость, летел плавно, точно плыл над нами. Обдав нас волной воздуха, сел на вершину кедра прямо над шалашом. Ветки кедра заколыхались, роняя поспевающие шишки и сухую хвою.

Шишки со свистом летели в разные стороны: одни падали на крышу шалаша и, шурша по бересте, скатывались на землю, другие падали в костер, поднимали в воздух светящиеся искры и тучи сизого пепла.

Глухарь увидел пламя костра, услышал шум на земле от падающих шишек, вытянул длинную шею, низко склонил красивую маленькую головку, ясно показал нам брусничные брови, белый клюв и глухо загоготал:

— Ко-ко-ко!

Он, наверное, спросил:

— Кто-кто незванно явился в мой дом и хозяйничает?

Лепка Юван — Иван Левонтьевич — как бы понял его и ответил:

— Ишь ты, какой умный, сам наделал шуму, а теперь спрашиваешь «Кто-кто?»

Но глухарь не стал слушать старого охотника, размахнул огромные крылья, опустил их, ударив по веткам кедра, и, снова осыпав нас шишками, хвоей, медленно поднялся и полетел.

Мыколка Яска — Яков Николаевич понимающе заговорил:

— Снялся не торопко и полетел медленно, как поплыл, значит, недалеко направился. Где-то туточки остановится:

Лепка Юван — Иван Левонтьевич, от удовольствия поглаживая ладонь о ладонь, говорил:

— Хороший, хороший мужик был.

— Как есть великан! — добавил Пыртя.

— Теперь что, не так он велик, — заговорил Кырыль. — Вот сказывали старики, что он прежде был величиной с крупного оленя, что тело его было белое, нежное. Крылья большие, сильные.

Начнет подниматься глухарь, размахнет в стороны крылья, ломает сухие сучки, срывает гнезда зверушек и птиц. Стонут, пищат

малыши и горюют их матери. Поднимется, весь мусор с земли поднимет и совет его в пыль, застелет глаза и уши зверей и птиц. Поднимется глухарь в небо, затмит солнце, и спустится на землю темнота. Звери и птицы ищут пищу в темноте и найти не могут.

Начнет садиться на землю, ранит своими крыльями зверей и птиц. Ударил зайца по ногам, и остался заяц с короткими передними ногами. Придавил к земле росомаху, поломал ей косточки. Срослись у нее косточки, но стала она похожа на многих зверей.

Медведь раньше ходил, как человек, на двух ногах, глухарь ударил его крыльями по спине, и пал медведь на четыре ноги и сгорбился.

Обижаются звери и птицы на глухаря, а он никого не замечает, купается в песке, чистит крылья. Встанет, стряхнет с себя песок, расправит крылья и примется за еду. Он любил есть ягоды и кедровые шишки. От орехов его тело белело, становилось цвета ядер и покрывалось жиром.

Кружатся над ним кедровики, стонут:

— Это ж до каких пор мы будем голодать? Опять глухарь все шишки с кедр снимет, все орехи поест, ни нам, ни белкам на зиму не оставит.

Однажды собрались все звери и птицы, пошли к глухарю и стали просить его:

— Глухарь, нет в бору больше и красивее тебя птицы. Но когда поднимаешься и опускаешься на землю, обижаешь нас.

— Сам знаю, что на наших борах нет птицы красивее меня. А вы мелочь. Вы — совсем никто. А я — хозяин боров и болот, как хочу, так и живу.

И закатился в смехе глухарь.

Обиженные звери и птицы где стояли, тут и присели в слезах. Шла мимо них древняя умная бобриха и говорит:

— Вы что плачете, сырость разводите? Разве слезы кому помогали? Нет слов — глухарь большой и сильный. Но у него одна сила. А вас много, и силы у вас много. Вы все вместе всеильны. Давайте поднимайтесь и идите, берите глухаря за каждое перо. Не давайте ему подняться в небо, пока не пообещает вам уменьшить себя.

Поднялись звери и птицы, поймали глухаря за перья и держат, не дают ему взлететь. Глухарь бился, бился, да и взмолился:

— Лесной народ, друзья мои, что вы от меня хотите?

— Мы хотим, чтобы ты уменьшил себя.

Глухарь рассердился, надул зоб больше луны, вцепился клювом в свое нежное белое тело, вырвал кусочек и бросил высоко в небо. Тот кусочек, падая на землю, превратился в белотелую куропатку. После от злости начал себя клевать и рвать, куски подбрасывать в небо. Хватала и проглатывала эти куски вся боровая дичь: рябчики, тетерева, полюшки, пальники.

С тех давних пор глухарь стал таким, какой он есть сейчас. А вся боровая дичь у самых грудок сохранила кусочки глухаринного белого тела, как память о тех далеких временах.

Кырыль закончил свой рассказ, набил трубку и прикурил угольком от костра.

Мы с бабушкой Околь взяли котомки и отправились домой. Солнце уже шло на отдых, катилось за изгородь леса, но остановилось, как будто накололось о вершины сосен, ярко-ярко загорелось, точно плавилось на жарком костре. Мне казалось, что оно было сочным и от него летели в небо ярко-красные расплавленные брызги. По обе стороны его, слева и справа далеко тянулись по небу тоже огнистые полосы, и от этого и песчаная дорога, и зеленоватый-белый ягель в бору, и листья, и хвоя на деревьях порозовели.

Я никогда не видела такого красного заката, но и бабушка Околь, видимо, тоже. Она даже остановилась и заговорила:

— Это к похолоданию и сильному ветру. Небесные духи, вы что-то рановато обещаете холодок, может и дождь со снежинками, да злой ветер!! Дайте нам пожить в тепле, а то, что обещаете на завтра, это у нас впереди будет.

Начался второй год занятий в Мегионской художественной школе. Уже отправлены рисунки на конкурсы в Донецк и Москву, Венгрию и Францию. Есть и первые награжденные. Галя Михайлова, например, получила диплом за участие в конкурсе детского рисунка, организованном областной картинной галереей. В основном это работы, посвященные Северу. Особый колорит, историческая достоверность достигается благодаря тому, что художественная школа создана при музее, где для ребят читается спецкурс по основам этнографии коренных народов Западной Сибири. Учащиеся вместе с сотрудниками музея собирают экспонаты, совершают поездки по национальным поселкам.

от наклоненных деревьев. Ставят его в основном муж с женой, им помогают дети. За считанные минуты мы вытоптали площадку под чум. Юрий Кылевич выбрал себе двух ребят в помощники — Свету Коношенко и Ваню Швецова. Это был первый чум в их жизни.

Остов чума делают из жердей длиной около 5 метров. Главных шестов чума 2. У тундровых ненцев они носят интересное название: «мяде хасавае» — чумовые мужчины. Лесные же ненцы называют их «ку ни». Они, как правило, связаны между собой в вершине. С этих жердей и начинается установка чума. Если нужно разместить сразу много людей, жерди ставят под тупым углом, а если семья собирается здесь остановиться надолго, чум ставят более остро. Ставя «ку ни», нужно учитывать, где будет находиться дверь, так

КАК

ПОСТАВИТЬ

ЧУМ

Особое значение приобретают практические занятия в этнографическом заповеднике. Одно из них — «Постановка чума» — проводил Юрий Вэлла.

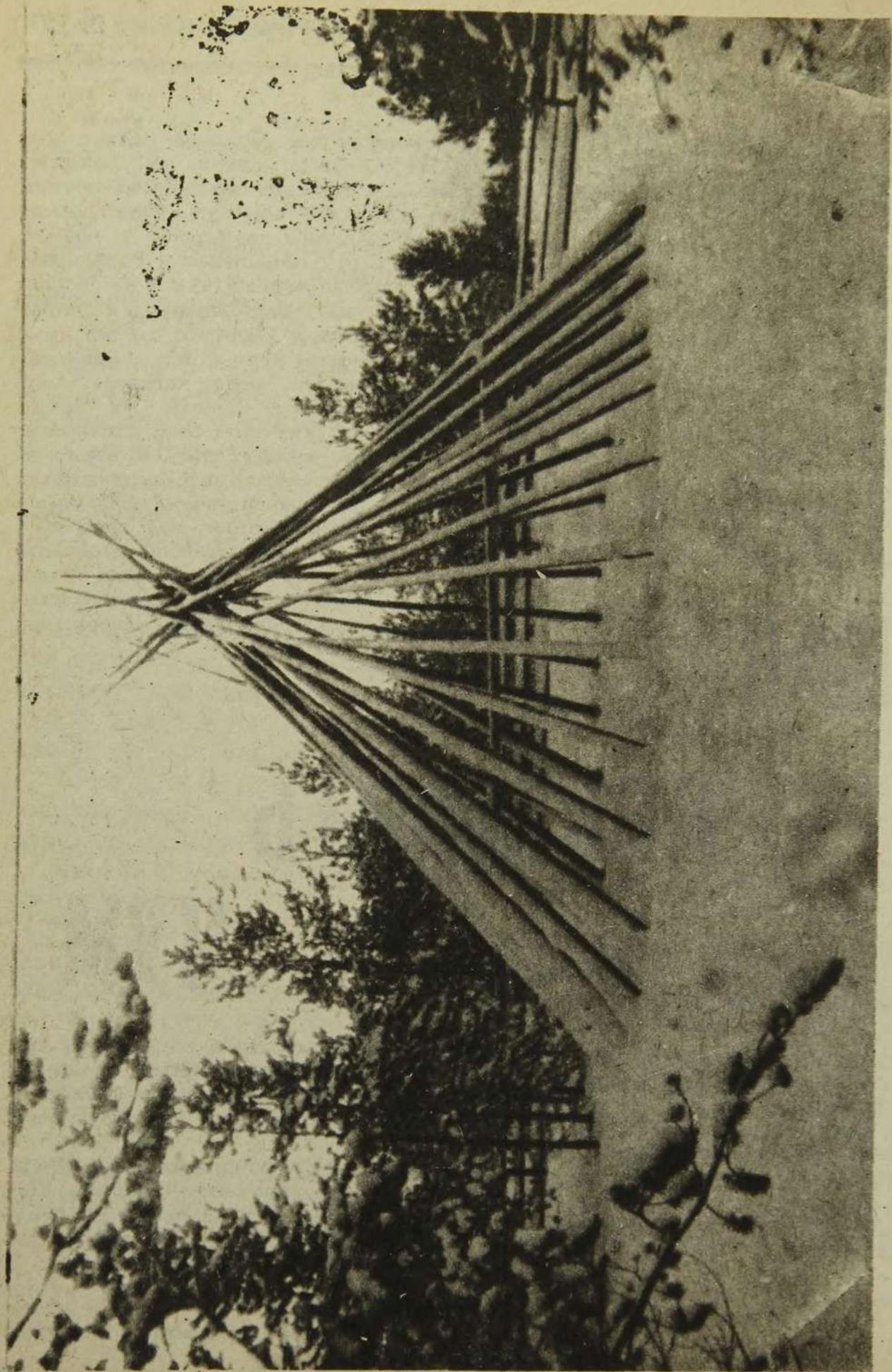
Как же поставить чум? Последовательность установки традиционна: сначала выбирают площадку, размечают места для постелей, очага, затем ставят основные шесты, к ним подставляют остальные; потом в чуме устанавливают очаг, вносят доски пола, циновки, шкуры для постелей, утварь и, наконец, чум покрывают берестой или нюками.

Казалось бы, все просто. Но и здесь есть свои тонкости. Место для чума должно быть чистым и удаленным

как несущая жердь по традиции должна быть второй или третьей от двери. Дверь же располагается либо по направлению восхода солнца, либо обращена к воде.

Пока одни ребята приставляли жерди чума, другие укладывали лапник. Посредине чума оставили место для огня, по обе стороны которого затем укладываются доски пола.

Немаловажная деталь чума — «шимсу». Это специальная жердь, которая

держит приспособление для подвешивания чайника или котелка над огнем.

Только в самом конце натягивается покрытие чума. Летний чум покрывают берестяными покрывками. В тундре для покрытия чума используют четыре покрывки: две нижние, сужающиеся кверху, и две верхние, прямоугольные, поменьше. Эти покрывки, как и шесты, тундровые ненцы возят с собой. Если нет берестяных покрывок, используют вытершиеся зимние покрывки из шкур оленя — нюки; края нюков заходят один на другой. Сверху их обвязывают веревками. На большой нюк идет 20 оленьих шкур. Сейчас чум нередко покрывают брезентом.

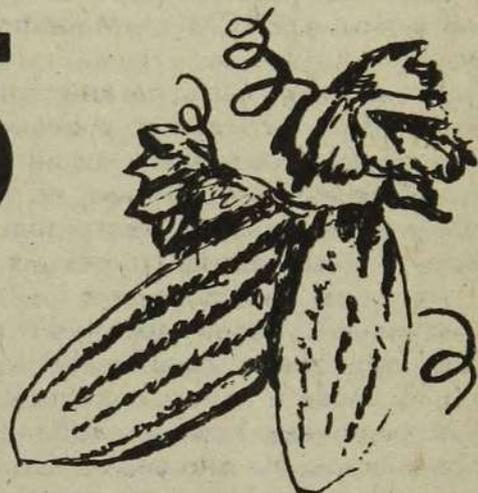
Пока ребята натягивали покрытие чума, внутри уже потрескивал огонь. Еще немного, и «тетяй мят» (покрытие, дом — ненецк.) будет готов. В нем поместились все мы — группа ребят и взрослых. Всего около 20 человек. Немного дымил огонь, чуть холодило спину от дырок в обветшалом покрытии чума. Что и говорить, ведь сшито оно в начале 60-х.

На низеньком столике «песан» ребята, как и полагается, разложили продукты. Сделал столик Юрий Кылевич из кедровых досок, колотых Григорием Васильевичем Казамкиным. Причем, были они заготовлены для дна нарты. Есть в чуме и специальные стульчики «номтулшан» («для сиденья»). Сделаны они Ю. К. Айваседой и О. П. Айваседой. Здесь же в чуме нашла себе место и «нохон чеча» — «песца правилка». Она совсем новенькая, но на ней Юрий Кылевич уже успел высушить два песца. А рядом, возле чума, нарта Г. В. Казамкина, сделанная в начале 60-х.

Теперь, когда ребята своими руками поставили чум, совсем иначе зазвучала для них вот эта ненецкая загадка: Что же это такое: «Сто (своих) товарищей переметнули?». А ответ простой — «Чумовище и несущие его жерди».

В. СПОДИНА,
директор Регионального музея.

ОГУРЦЫ НА ОКНЕ

Б ОЛЕЕ 4000 лет культивируется на Земле огурец — лианное растение происхождения из тропических лесов, где влажный и теплый воздух, сырая, мягкая, богатая перегноем земля. Последнее способствовало формированию слабой поверхностной корневой системы. Вился себе огурец по деревьям в тени высокого леса, в тропиках, значит, привык к короткому дню, теневынослив, что и позволяет выращивать его зимой в жилом помещении без искусственного освещения.

Третий год я занимаюсь зимней культурой огурцов. В 1989 году снял первый зеленец 12 марта, в 1990 году — 28 марта, в 1991 году — 2 марта. Рассада в фазе 4 настоящих листьев высаживалась соответственно 1 февраля, 6 февраля и 19 января. Сбор огурцов продолжался до первой декады июня, затем растения пересаживались в пленочную

теплицу и продолжали плодоносить. Домашний урожай — 40—60 штук.

Вырастить рассаду для таких ранних посадок без подсветки и укрытия дома трудно, надежнее взять в зимней теплице. Сорта лучше выбрать партенокарпические, не требующие искусственного опыления (самоплодные). Два года я сажал гибриды «Московский тепличный», «Стеллу», нынче — «Грибовчанку» и «Аэлиту». Рекомендуются также «Тандем», «Кукарача», «Сентябрьский» и другие.

Из пчелоопыляемых и частично партенокарпических я выращивал «Манул», «Зозулю» (аналог «Апрельский») селекции Тимирязевской сельхозакадемии, знатоки советуют также «Марфинский», «Многоплодный ВСХВ», «Марафон», «Эстафету».

Грунт должен быть легкий, плодородный, готовить его лучше с осени, закладывая сразу в полиэтиленовые мешочки или любые емкости, только не узкие, на 6—8 л. (ведро, ящик, кастрюля и т. п.). Я беру по полведра грунта из огуречной теплицы из верхнего и нижнего (перегнивший навоз весенней набивки) слоев, просеваю, смешиваю с доброй горстью песка и горстью печной древесной золы, очень хорошо добавить и немного опилок. На дно ведра над дренажными отверстиями кладу мелкую гальку, можно гравий, битый кирпич, фаянс и т. п. За зиму в сарае или на балконе земля хорошо промерзнет, пройдет естественную дезинфекцию. После оттаивания производится полив очень горячей водой или теплым раствором марганцовки и рыхление (старой вилкой). Земля осядет, значит, надо иметь ее запас для последующей подсыпки, желателен и запас золы.

Место нужно подготовить перед посадкой. Если подоконник узкий, его можно расширить решеткой, доской или просто подвинуть стол, а лучше сделать специальный стеллаж. Все щели на окне необходимо проконопатить, заклеить бумагой или липкой лентой. Желательно закрыть все окно, подоконник и стеллаж полиэтиленовой пленкой. Это будет теплоизолятор от окна и батарей, светофильтр от прямых лучей солнца и санитарно-декоративное покрытие. Если нет пленки, растения затеняют от силь-

ного солнца газетами. Несмотря на теневыносливость, огурец требователен к свету. Окна должны быть юго-восточной, южной или юго-западной ориентации. Очень хороший эффект в начале выращивания дает установка рядом с емкостью зеркала, листа оцинкованного железа или зеркальной пленки.

Огурец любит тепло. Желательно, чтобы температура не опускалась ниже 20 градусов. Если стеллаж у батареи, тепла обычно достаточно, если отопление печное, неплохо сделать пленочное укрытие и снаружи на проволочном каркасе, а внутри для тепла можно установить электрическую лампочку. Словом, оптимальная температура в солнечную погоду — 24—26 градусов, в пасмурную — 20—22, ночью — 18—21. В прошлые годы я режим дополнительно не регулировал, нынче при очень ранней посадке иногда применял настольную лампу.

Коротко о поливе. Как вы помните, земля после дезинфицирующего полива уже влажная. Если рассада от недостатка света вытянулась, сажаем ее глубже и дополнительно поливаем теплой водой (25—26 градусов). Затем поливы проводят умеренно в зависимости от влажности почвы, обычно до поступления воды в поддон, во время плодоношения — ежедневно, лучше утром. Водопроводную воду фильтрую через «родник» и оставляю на ночь у батареи. Если почва достаточно сырая, а в поддонах воды мало, нужно добавить, чтобы она могла постоянно испаряться, повышая влажность. Когда сильное солнце или очень горячие батареи, можно добавочно класть мокрые тряпки. Очень хорошо хотя бы раз в неделю опрыскивать водой листья из пульверизатора. Я использую медицинскую спринцевку — грушу емкостью около 0,3 л.

Огурцы требовательны к питанию, очень отзывчивы на органику, азот. Нужно сразу после посадки положить в трехлитровую банку свежий коровяк, залить доверху водой и плотно закрыть полиэтиленовой крышкой во избежание запаха в квартире. Дней через 10—15 содержимое закиснет и как раз пора проводить первую подкормку раствором 1:10, по полстакана на растение под по-

лив. При плодоношении подкармливаю раз в декаду. Можно использовать, но очень осторожно, сильнодействующий настой птичьего помета, разбавляя водой уже 1:15.

Как калийное удобрение применяю двух-трехдневный настой печной золы (горсть на банку), а также время от времени присыпаю золой поверхность почвы, особенно вокруг стебля. Вношу толченую сухую яичную скорлупу — в ней содержится кальций и фосфор. Еще нужны так называемые микроэлементы. Я провожу внекорневые подкормки, опрыскиваю листья слабым раствором перманганата калия (марганцовкой), можно опрыскивать слабым раствором борной кислоты.

Для жителей больших городов, где не только навоз, но и зола — редкость, можно предложить рецепт подкормки в период плодоношения: 50—100 г. огородной смеси или 15—25 г. комплексного минерального удобрения марки «А» или «Б» разводят в 10 л воды и расходуют по 0,25—0,5 л на растение после полива. Интервал 10—12 дней. Рыхлить землю можно только в начале роста, очень осторожно, начиная с краев емкости, чтобы не повредить корни. По мере их разрастания и оседания земли проводить подсыпку.

Очень много значит для огурцов правильное формирование куста. Некоторые агрономы рекомендуют перед посадкой прищипывать рассаду над третьим листом, чтобы укрепить корневую систему и вызвать появление более плодородных боковых побегов, но это задерживает рост примерно на неделю, что для раннего урожая неприемлемо. Другие советуют для усиления растения прищипывать и завязи в пазухах трех нижних листьев, но нам важен именно ранний урожай. Я сначала стараюсь получать плоды с основного стебля, чтобы не ослаблять растение боковыми побегами. Для этого в пазухах листьев оставляю только цветочные завязи, а ростки удаляю.

Таким образом, растение формируется в один стебель. Сразу после высадки подвязываю рассаду свободным узлом под нижним листом мягкой бельевой веревкой (шпагат, бечевка, марля и т. п.), которая обвивает вокруг стебля (ни

в коем случае не наоборот). Когда он достигнет верха окна, направляю его по шпалере немного вбок, потом вниз примерно до трети окна и прищипываю верхушку, общая длина растения доходит к июню до 1,5—1,8 метров. Наверху куста пускаю и боковые побеги, прищипывая их над второй-третьей завязью.

В опылении партенокарпические сорта не нуждаются, поэтому урожай будет даже с одного куста. «Манул» требует постоянного опыления, «Зозуля» и «Апрельский» — в начале плодоношения, но лучше опылять все завязи, для чего надежнее иметь несколько растений разных сортов и возраста. Опыление лучше производить утром, на только что распусившихся цветках. С мужского цветка (пустоцвета) образуются лепестки (венчик), тычинками его присоединяют к пестику женского цветка и прикрывают сжатыми (чуть скрученными) лепестками, чтобы дольше держался. Неопылившиеся пожелтевшие завязи, как и усы и пожелтевшие листья, я стараюсь убирать (лучше ножницами), а места среза, как и места прищипок, присыпаю золой.

Если у вас своя рассада и есть выбор сортов в теплице (а главное — место для выращивания), посадите (посев дней на 10—15 раньше) сорт-опылитель, богатый мужскими цветами — «Алтайский ранний», «Вязниковские», «Муромские», «Неросимые» и т. п. Во всяком случае этот последний совет пригодится вам и при тепличной культуре.

Комнатная температура огурцов — дело очень хлопотное, в квартире вода, земля, удобрения, ежедневная работа. Но зато какое удовольствие получаешь от крупной ярко-зеленой листвы, первых цветков и, конечно, от ароматного красивого огурца, срезанного в марте прямо в салат или окрошку.

Н. ПАТРИКЕЕВ,
ученый агроном.
г. Ханты-Мансийск.

Литература:

Н. Борисов (Н. Б. Патрикеев). «Зимние огурцы на окне», газета «Новости Югры», 19 января 1991 г.

А. М. Гусев. «Комнатное овощеводство»; Москва, 1989 г.

А. Т. Лебедева. «Тыквенные культуры». Москва, 1987.

КРАЖУ СОВЕРШИЛ... ОЛЕНЬ. В ГЛУХОМАНИ ТАЕЖНОЙ.

КОГДА работал директором совхоза «Кюганский», мне довелось увидеть дивные, изумительно красивые таежные вечнозеленые массивы на южной окраине Сургутского района. Рядом с множеством озер и кочкарных клюквенных болот там необозримые изумрудные нивы некошеных осок, пырея, благоухающего кипрея и прочего разнотравья с приятно дурманящим ароматом. Величественно среди соболино-глухаринных урманов несет свои коричневые, как купеческий чай, воды с кипящими омутами извилистая речка Малый Юган. С естественным наслаждением смотришь на те великолепные пейзажи и находишь поразительное сходство с прекрасными картинами знаменитого живописца Шишкина. Невольно думаешь: не писал ли он свои шедевры на берегах этой реки, затерявшейся в таежной глухомани!

Курортные там места. Но... обилие комаров, мошек, овода и прочего коварного гнуса не позволяет организовать там санаторий. Препятствуют организации в тех сказочно красивых местах даже и турбазы: большая удаленность, а также множество медведей, лосей и оленей, которые могут причинить вред отдыхающим. К примеру, однажды безобидный в нашем представлении дикий олень обокрал, а точнее ограбил среди бела дня лесоруба.

Весть об этом редком происшествии привез в Сургут Георгий Захарович Хадараули — технорук Малоюганского мастерского участка Сургутского леспромхоза. Похищение произошло очень просто. Молодой лесоруб, которого все звали Ваня Бровкин, в жаркий июльский день работая в деляне, снял куртку и повесил ее на сучок березы. Для защиты от гнуса в ведре он развел дымокур. Обрубая топором сучки поваленных деревьев, он вдруг услышал богатый храп крупного зверя, который, ломая заросли черемухового кустарника, приближался к копящему очагу.

Несколько мгновений и испуганный человек взобрался почти на вершину ближайшего кедра. Олень мотал громадными, уже окостеневшими рогами, чихал и храпел у дымокура, избавляясь от оводов и других кровопийц, которые терзали животное, потому что длинный волос его зимней «дохи» давно вылинял, а новый — еще только начал отрастать. Случайно, конечно, без злого умысла, олень зацепил ветвистым рогом куртку лесоруба, а когда забрехала находившаяся в карманах разменная монета, он ретиво побежал от дымокура...

Как флаг, развевалась куртка на правом роге стремительно бегущего красавца. Всей бригадой разыскивали лесоруба похищенную куртку, в карманах которой были паспорт, военный билет, другие документы и почти 300 рублей денег. Искали усердно пропажу еще несколько дней, но так и не нашли.

КИЛОМЕТРАХ в двухстах на юго-востоке от Сургута в тридцатье годы был организован колхоз «Новая жизнь». Топором и поперечной пилой раздвинув глухой урман, на крутом левом берегу таежной речки Павыл объединенные в артель труженики срубили себе добротные избы, а поселок назвали Погорельск. Тридцать лет и зим вдали от обжитых мест они осваивали богатства лесного края. Сдавали государству пушнину, рыбу, ягоды, грибы и другие дары окрестных урочищ. Занимались лесозаготовками, земледелием и животноводством. Много горя и радости разделили таежники за десятки лет совместной жизни в глухомани.

В связи с ликвидацией неперспективных деревень в округе и укрупнением колхозов в 1962 году последние жители Погорельска переехали в село Вата. Однажды в погожий июльский день мне довелось побывать в этом поселке, уже осиротевшем и заброшенном.

Последний раз взбурлила и вспенилась коричневатая вода Пасыла за кормой мотобота, и форштевень его со скрежетом врезался в желтый песок крутого берега. «Вот и Погорельск, забытый богом и людьми», — сказал чубатый моторист Вася, выбрасывая трап. Вместе с управляющим отделением совхоза «Покурский» Михаилом Дмитриевичем Змановским мы сошли на берег поискать стройматериалов для ремонта помещений для скота.

Буйно разрослись на опустевших усадьбах крапива, лебеда, конский щавель, ромашка и прочие спутники человеческого жилья. Щедро насыщали они воздух ароматом нектара, пыльцы, эфирных масел и прочих душистых веществ. Все дороги села, тропинки, приусадебные участки были покрыты изумрудно-зелеными, сказочно красивыми нерукотворными коврами, на фоне которых полыхали оранжевые, красные, белые, синие звездочки цветов. Завалились обветшавшие жердевые изгороди огородов, на которых вместо картофеля и овощей росли двухметровые березы. С наслаждением вдыхая аромат цветущих трав, мы слушали музыку природы. Шелестела листва, крылья большеглазых стрекоз, жужжали трудяги-шмели и осы, щебетали что-то своим желторотым птенцам белошекие синицы и другие пичужки, поселившиеся на чердаках давно опустевших изб.

Мой спутник, Михаил Дмитриевич, в молодости работал налоговым инспектором и часто бывал в Погорельске в разные годы. И когда мы зашли по скрипучим ступенькам крыльца в пятистенную контору хозяйства с уцелевшими окнами, он рассказал такую-быль.

— Часто медведи губили артельных животных, особенно осенью, когда в поисках грибов буренки убегали от пастухов в лес. Однажды нетель Пеструшку задрали косолапые у поселка. В тот же день, в этой конторе, председатель хозяйства Иван Евстигнеевич Спиридонов созвал экстренное заседание правления. Раскуривая козью ножку, он спросил — что будем делать с разбойником!

Предложено было несколько. Одни советовали организовать большую облаву всем миром, другие — смастерить хорошую западню, а бывший фронтовик Яков Алексеевич Дружков предложил сделать засаду у останков нетели. Его план и был одобрен правлением.

С помощью добровольцев между двумя кедрами был подвешен тесовый короб, в котором на ферму возили комбикорм. Подтащили ближе к засаде останки погибшей Пеструшки. Когда стали над Погорельском стучать вечерние сумерки, вооруженные добрыми ружьями Яков Алексеевич и Ваня Варлаков забрались в короб и стали терпеливо дожидаться. И... дождались. Хрустнули сухие ветки под лапами «топыгина», и при лунном свете охотники увидели его, подходившего к растерзанной нетели. Охотники, прицеливаясь в разбойника, навалились на стенку короба и он, как самосвал, выкинул их почти на голову подошедшего хозяина леса.

Исполнив сальто, похожее на цирковое, охотники почти удачно приземлились рядом с хищником, задев его за лохматую доху. К счастью, медведь поспешно бежал и, видимо, очень далеко, потому что в ту осень его новых следов у Погорельска никто не видел.

Так закончил свой рассказ Михаил Дмитриевич. Осмотрев завалившиеся и полустгнившие скотные дворы, недостроенную овчарню, мы возвратились к теплоходу и вскоре распрощались с Погорельском, увозя с собой грустные впечатления о селе, заброшенном людьми.

Недавно мне довелось встретиться с покурским приятелем Алексеем Николаевичем Шалимовым, и он сообщил, что в том медвежьем захолустье вновь закипела людская жизнь: громяхают трактора, тарыхтят безбойники и стучат топоры геологов, которые решили построить в Погорельске подсобное хозяйство.

КУРС—НА

(Из судового журнала

«Главное для нас — увидеть мир, какой он есть, своими глазами. Мир, который нас окружает, в котором мы живем.

Основные законы, которым мы следуем. Самый главный: в тяжелых ситуациях молча делать дело, за которое отвечаешь, споры потом. А в спорах уметь слушать друг друга. В экстремальных условиях, насколько это возможно, мы относимся друг к другу с юмором, не забывая, что все это мы взвалили на свои плечи сами и надо вести себя достойно в любой ситуации».

Эти мысли высказали Сергей Валяев, Виктор Тюрин, Юрий Коробицын, Григорий Подгорный, Александр Быков, совершившие в 1990 году дальнее крейсерское плавание по маршруту Нефтеюганск—Архангельск. Ребята вели дневник во время своего плавания по Северному Морскому пути, который мы и публикуем с некоторыми сокращениями.

ПЛАН похода на яхте по Северному Морскому пути возник у нас давно: В 1985 году мы прошли на восстановленном швертботе класса «М» по Оби до Салехарда. Наверное, именно тогда в нас вселился «дух ветра-странствий».

В июне-июле 1988 года на только что приобретенной яхте ЛЭС-22 без штатных парусов и оборудования, которые прибыли годом позже, мы прошли по маршруту Нефтеюганск—Лабытнанги—Салемал—Яр—Сале—Новый Порт—Ямбург. Планам выйти в Карское море помешал лед, встреченный нами в Обской губе. Однако этот поход нам дал очень много. Впервые мы вышли в море, получили практические навыки работы с картами, а главное — поняли, что дальние крейсерские походы требуют тщательной подготовки и яхты, и экипажа.

Швертбот ЛЭС-22 в общем понравился, но хотелось иметь более прочную яхту для открытого моря. И вот по счастливой случайности нам удалось приобрести полутонник СТ-31 в Сургутском яхтклубе, который, кстати, недавно отметил свое 25-летие. К этому времени у нас, в Нефтеюганске, уже действовала парусная секция при спортивном клубе «Обь» производственного объединения «Юганск-

АРХАНГЕЛЬСК

ЯХТЫ «Югория»).

нефтегаз», бухгалтерия которого и выделила необходимые деньги. У нас появился небольшой флот.

Навигация 1989 года прошла в активных занятиях с детьми. Учились ходить на швертботах, парусных досках, катались на водных лыжах. Дважды прошли по кольцевому маршруту протяженностью 410 километров Нефтеюганск—Сургут—Нефтеюганск вокруг острова, на котором расположен наш город. Даже короткие выходы на полутоннике СТ-31 показали, что яхту нужно полностью переоборудовать. Этим мы занимались зимой 1989—90 годов. Внутри яхты появились закрытые шкафы для штормовой одежды, множество полок и рундуков. В корме сделали два объемистых ахтерпика для хранения якорей, концов и прочего яхтенного имущества. Приобрели спасательный надувной плот в мягком контейнере, который удобно разместился на рубке между мачтой и форлюком.

В мае, приехав в Архангельск, приобрели нужные навигационные карты и пособия, в яхт-клубе договорились насчет предстоящей зимней стоянки яхты. Месяц ушел на покупку продовольствия.

10 июня яхта «Капитан Кузнецов» с экипажем парусной секции ушла по маршруту Нефтеюганск—Салехард—Нефтеюганск. Через месяц пришли ребята обратно, загоревшие и полные впечатлений. Наконец, наступило долгожданное 21 июля. Позади все хлопоты и беготня. На причале много провожающих. В 12 часов отходим от пристани Нефтеюганска. На борту нас пятеро — Сергей Валяев, Юрий Коробицын, Виктор Тюрихин, Александр Быков, Григорий Подгорный.

21 июля 90 г. 11 час. 10 мин. Отошли от яхт-клуба в сопровождении яхты «Капитан Кузнецов». В 11 час. 30 мин. подошли к дебаркадеру. На нем много народу. Нас провожают родные, друзья, все, кто помогал в подготовке к походу. В честь отхода — всем по глотку шампанского. В 12¹⁵ отчалили. До

п. Чеускино идем рядом с «Капитаном Кузнецовым». Расстаемся, они поворачивают обратно. Даем зеленую ракету. Пасмурно. Ветер северо-восточный, шквалистый. Температура воздуха 20⁰С.

В 20⁰⁵ вышли из Юганской Оби в Обь. Распределяемся на две вахты: 1. Валяев, Подгорный. 2. Тюрехин, Коробицын, кок, радист, механик, электрик и т. д. — Быков.

Настроение отличное. На реке много судов, расходимся по рации. Все почти очень вежливы!

22 июля. В 0⁴⁵ прошли п. Селярово. В 2⁰⁰ сели на мель, не увидев сперва белый бакен (он был закрыт идущим навстречу судном). В 20¹⁰ с помощью дизеля снялись с мели. В 3⁴⁵ по левому борту оставили п. Зенково. В 10²⁰ прошли слияние Оби и Иртыша. Правый берег высокий и лесистый.

Вышли на связь с «Сибирским». Он передал, что идет в Ленинград, а затем в Черное море. Сказал, что 25 июля из Сале—харда уходит караван судов в Енисей. 20⁰⁰. Ветер северный 6—8 метров в секунду, ровный. Лавировка длинными галсами. Много судов. Дымка, видимость неважная, 500—1000 м.

23 июля. В 6³⁰ прошли Большой Камень. Утром туман, видимость очень плохая. В 6⁵⁰ вплотную разошлись с «Беломорским-11». Вышли на связь, он предупредил идущий вверх «ОТ-2070» о нас. Туман ушел. По-прежнему дымка. В 7³⁰ подошли к п. Октябрьский. Прошли слева о. Шеркальский, справа — п. Шеркалы. Дымка, часто расходимся с судами. Жизнь течет размеренно и по расписанию: 8⁰⁰ — завтрак, смена вахты, 14⁰⁰ — обед, смена вахты, 20⁰⁰ — ужин, смена вахты, 24⁰⁰ — смена вахты, 4⁰⁰ — смена вахты и т. д.

В 17²⁵ подошли к поселку Перегребное. В 18⁰⁰ вошли в Черную Обь. Ветер слабый. Судов практически нет, тихо. Качки с резким движением крыльев падают в воду с высоты 5—6 метров и ловят клювом неосторожную мелкую рыбешку. Иногда появляются орланы-белохвосты, очень крупные. Ход яхты 4—6 узлов. До Лабытнангов осталось 500 километров.

24 июля. Весь день идем без ветра, медленно. У п. Ванзеват покупаем у рыбаков две нельмы, осетра и стерляди. Варим царскую уху. Едим в тишине среди мошкары и комаров. Душно. Ветра нет. Заводим дизель; идем под его стук дальше.

25 июля. 18⁰⁰. Выходим в Большую Обь. Просторы огромные. Спешим в Лабытнанги, идем под дизелем на полном газу. Ветер встречный. Ночью с 25 на 26 июля в 00 часов пришвартовались в порту Лабытнанги рядом с яхтой «Флора». Экипаж «Флоры» — ученые-экологи института экологии растений и животных Уральского отделения АН СССР. Капитан и строитель яхты

Леонид Филатович Семериков — человек, влюбленный в парус. До 6 часов утра вели оживленный разговор, делились впечатлениями и планами на будущее.

В 11⁰⁰ поднялись и пошли в баню. По пути из бани зашли в магазин за продуктами. Дали телеграммы домой и в спорт-клуб. Вечером ужин на нашей яхте с командой «Флоры». Меню: уха из сырка, свежепосоленные нельма, муксун, стерлядь, салат из свежих помидоров и огурцов. С экипажем «Флоры» решили поддерживать контакты и дальше.

Знакомство с учеными-биологами «Флоры» у нас состоялось еще года два назад. В то время они работали в Нефтеюганском районе, изучали влияние промышленных разработок нефтяных месторождений на окружающую среду. Познакомились мы с ними на Оби, где встретились наши яхты.

Во время встречи в июле 1990 года нас, как и их, волновало загрязнение рек в результате неразумной хозяйственной деятельности, а также разработка месторождений гравия в устьях небольших северных рек. Говорили мы и об ухудшающихся постоянно условиях жизни коренных народностей. Живут ужасно. До этого, в 1988 году, мы заходили в поселки Салемал, Яр-Сале, Новый Порт — жизнь удручающая: дырявые чумы, убогие домишки.

С учеными «Флоры» договорились о конкретных заданиях по изучению нашего края. Они предложили на следующий поход брать для анализов пробы воды и почв. Для этого пообещали доставить необходимое оборудование, аппараты.

В этом походе мы сделали съемки различных участков, наиболее загрязненных. В следующем походе планируем делать больше остановок в пути, больше заходов в населенные пункты для общения с местным населением, изучения проблем.

27 июля. Весь день ушел на работу с парусами, их переборку, сушку и ремонт. Выяснили, где можно достать радиостанцию морской связи типа «Сейнер». Узнали, что эта рация есть у геологов, а база у них в Салехарде. Напечатав письмо и доверенность у директора Лабытнанговского стационара Уральского института экологии Владимира Михайловича Безусова, в 14¹⁵ ушли в Салехард. Дизель работает неровно, дымит, видимо, засорилась система питания. В 17³⁰ пришли в Салехард.

28 июля. Только на следующий день получили «Сейнер». Установили его на яхту. Быков сделал штекер. Нашли и подзарядили еще один аккумулятор у отзывчивого Славы Хурцелявы, удивительно похожего на Вячеслава Добрынина. В 15⁰⁰ вышли по «Сейнеру» на связь с судном.

В 16⁰⁰ после обеда, поблагодарив наших новых друзей, вы-

шли из Салехарда. В 23⁰⁰ прошли Аксарку. Ветер южный, слабый.

29 июля. Рано утром прошли поселок Салемал. Отсюда начинается дельта Оби. Сегодня День рыбака. Встречные суда приветствуют гудками, поздравляют по радиации с праздником.

Вошли в Хаманельскую Обь; пройдя ее, повернули в протоку Большая Неречинская Обь. В 16⁰⁰ вышли в Надымский бар. Это уж Обская губа. Она встретила нас свежим ветром с севера и крутой высокой волной. Взяли два рифа на гроте, заменили стаксель на штормовой. Яхту сильно бросает и бьет на волне. Брызги летят в кокпит. Саша Быков, слегка побледневший, делает вид, что спит, упершись одной ногой в обеденный стол. Фарватер бара узкий, метров 500, приходится лавировать. А берега постепенно скрываются вдаль. Ночью прошли Надымский бар и взяли курс на Ямбург.

30, 31 июля. Шли вдоль восточного берега Обской губы по крутой встречной волне в лавировку. Сильная килевая качка. Яхту бьет на короткой высокой волне. Все устали. 31 июля в 15³⁰ подошли к Ямбургу. Осторожно зашли в бухту и отшвартовались к высокому причалу, защищающему нас от песка, летящего с берега.

Вечером съездили на попутном автобусе в поселок, где обнаружили прекрасные дома финской постройки и сауну, о которой все мечтали. Сауна оказалась великолепной. Поздно вечером вернулись на яхту. Поужинали и легли спать. Ощущение непривычное — яхту не качает.

1 августа. Подъем в 10⁰⁰. Встали бодрые и отдохнувшие. Легкий завтрак. После завтрака поехали в поселок закупить некоторые продукты и хлеб. Готовимся к следующему этапу похода. Ремонтируем паруса. Подготовили и установили надувной спасательный плот, который удобно разместился между мачтой и форлюком. Навели порядок на яхте, ведь впереди — Карское море. Вечером Саша Быков приготовил великолепный салат из свежих овощей. В 24⁰⁰ укалдываемся спать.

2 августа. В 9⁰⁰ покидаем гостеприимный Ямбург. Выйдя в губу, заправляем 200 литров пресной воды из-за борта, так как чистой пресной воды в Ямбурге не оказалось. Поднимаем паруса и берем курс на мыс Трехбугорный, что у входа в Тазовскую губу.

В 20⁰⁰ на ужин гороховый суп с тушенкой, салат из свежих овощей, чай, масло, джем, печенье, фрукты.

В 21³⁰ на траверзе маяк мыса Парусный. Яхта летит со скоростью 9 узлов.

(Окончание в следующем номере).

До конца года в журнале будут опубликованы:

- заметки доктора исторических наук З. Соколовой о поездке к канадским индейцам «У вождя длинная коса»;**
- главы из книги нашего земляка, известного полярника Г. Бардина «От Антарктиды до Чукотки»;**
- материалы к 165-летию поселения декабристов в Западной Сибири;**
- отрывок из документальной повести Е. Грошевой об истории геофизических исследований в нашем крае;**
- литературные произведения местных авторов и другие материалы.**

Редакция благодарит Северный фонд окрисполкома, Нижневартовские районный и городской, Урайский городской Советы народных депутатов и их исполнительные комитеты, коллективы редакций журнала «Уральский следопыт», газет «Местное время» (г. Нижневартовск) и «Тюменские известия» за большую помощь в организации издания и подготовке к выпуску этого номера.

